

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Джеффри

ДИВЕР

КОМНАТА СМЕРТИ

Это Дивер в его лучшем проявлении,
и эту книгу не должен пропустить
ни один любитель детективного жанра.

Publishers Weekly (starred review)

Линкольм Райм и Амелия Сакс

Джеффри Дивер

Комната смерти

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дивер Д.

Комната смерти / Д. Дивер — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Линкольн Райм и Амелия Сакс)

ISBN 978-5-389-21647-1

На одном из курортов Багамских островов от руки неизвестного снайпера погибают трое: американский общественный деятель, журналист, бравший у него интервью, и телохранитель. Стреляли с невероятно большого расстояния. Местная полиция прекращает дело, опасаясь, что за ним стоят наркокартели. Но у заместителя окружного прокурора Нэнс Лорел есть основания полагать, что это преступление совершено по заказу верхних эшелонов власти. При загадочных обстоятельствах начинают пропадать возможные свидетели. За помощью в расследовании запутанного дела Управление полиции Нью-Йорка обращается к выдающемуся криминалисту Линкольну Райму. Парализованному детективу и его команде предстоит распутать клубок из смертей, разобраться в мотивах и целях преступников, понять, кто кем манипулирует, найти «комнату смерти», призвать убийц к ответу, и главное – не ошибиться, ведь от этого будет зависеть не только их карьера, но и собственная жизнь. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21647-1

© Дивер Д., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Вторник, 9 мая	6
Глава 1	6
Понедельник, 15 мая	10
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	55
Глава 15	59
Глава 16	62
Глава 17	64
Глава 18	68
Глава 19	69
Глава 20	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джеффри Дивер

Комната смерти

Джуди, Фреду и Дэксу

Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать.

Эвелин Беатрис Холл. Друзья Вольтера (1906)

Jeffery Deaver
THE KILL ROOM

Copyright © 2013, Gunner Publications LLC
All rights reserved

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Вторник, 9 мая

I

Ядоносное дерево

Глава 1

Его встревожила вспышка света.

Что-то блеснуло вдали – не то белое, не то желтоватое.

С воды? С полосы суши вдоль мирного лазурного залива?

Но здесь ничто не могло ему угрожать. Прекрасный уединенный курорт – ни назойливой прессы, ни рыскающих врагов.

Прищурившись, Роберто Морено уставился в окно люкса. Видел он, увы, плоховато, хотя ему было около сорока. Пришлось подтолкнуть очки выше к переносице, чтобы всмотреться в сад, узкий белый пляж, пульсирующее сине-зеленое море. Прекрасное, уединенное... и хорошо защищенное место. В поле зрения не покачивалось на волнах ни одно судно. И даже если бы кто-то из недругов каким-то образом узнал, что Морено здесь, и, вооружившись, сумел незаметно пробраться через промзону на мысу, отделенном отсюда водным пространством шириной в милю, – все равно невозможно прицельно выстрелить с такого расстояния сквозь мутную мглу.

Никаких вспышек больше не было. Ничего не блестело.

«Ты в безопасности. Иначе и быть не может».

Однако Морено оставался начеку. Подобно Мартину Лютеру Кингу или Ганди, он постоянно рисковал. Таков был образ его жизни. Смерти он не боялся – боялся умереть прежде, чем закончит работу. В столь молодом возрасте ему предстояло сделать многое. Мероприятие, подготовку которого он завершил всего час назад, – довольно значимое, чтобы привлечь всеобщее внимание, – было лишь одним из десятка запланированных на ближайший год.

А впереди вырисовывалось еще более многообещающее будущее.

Коренастый мужчина в скромном бежевом костюме, белой рубашке и ярко-синем галстуке – чисто карибский стиль – наполнил две чашки из только что принесенного официантом в номер кофейника и, вернувшись на кушетку, протянул одну репортеру, настраивавшему диктофон.

– Молока, сеньор де ла Руа? Сахара?

– Нет, спасибо.

Общение шло на испанском, Морено свободно владел им. Он терпеть не мог английский, на котором разговаривал лишь при необходимости, но так и не сумел избавиться от акцента Нью-Джерси, отчетливо слышного в его родной речи. Звук собственного голоса вызвал воспоминания о детстве в Штатах. Об отце, который постоянно задерживался на работе и, в отличие от матери, не пил. Об унылых пейзажах и хулиганах из соседней школы. Но пришло спасение – семья переехала в более приятное, чем Саут-Хиллз, место, где даже язык звучал мягче и изящнее.

– Зовите меня, пожалуйста, Эдуардо, – сказал репортер.

Был он худощав, с залысинами, одет в голубую рубашку без галстука и потрепанный черный костюм.

– А я – Роберто.

На самом деле его звали Роберт, но от этого имени веяло душком адвокатов с Уолл-стрит, политиков из Вашингтона и еще генералов, которые на чужих землях усеивали поля сражений трупами местных, будто дешевыми семенами.

Так что – Роберто.

– Вы ведь живете в Аргентине? – спросил Морено журналиста. – В Буэнос-Айресе?

– Верно.

– Знаете, почему этот город так называется?

Де ла Руа покачал головой: он был не из коренных.

– Разумеется, это значит «чистый воздух», – сказал Морено, прочитывавший несколько книг в неделю, в основном по латиноамериканской культуре и истории. – Но имеется в виду воздух не Аргентины, а Италии, точнее, Сардинии. Так называлось поселение на вершине холма в Кальяри, которое находилось, скажем так, над вонью старого города, и его, соответственно, нарекли Буэн-Айре. Испанский путешественник, достигший берега там, где расположен нынешний Буэнос-Айрес, решил окрестить его так же. Естественно, речь идет о первом поселении на месте города. Оно было стерто с лица земли туземцами, недовольными тем, что их эксплуатируют европейцы.

– Даже ваши байки имеют основательный антиколониальный привкус, – заметил де ла Руа.

Морено рассмеялся, но хорошее настроение вдруг рассеялось, и он снова быстро взглянул в окно.

Что там такое блеснуло? Вряд ли он мог видеть что-либо, кроме деревьев и растений в саду и смутной полоски суши в миле отсюда. Отель находился на почти безлюдном юго-западном побережье острова Нью-Провиденс, где была столица Багам Нассау. Огороженная территория отеля надежно охранялась, а сад, предназначенный только для постояльцев апартаментов, был защищен с севера и юга высоким забором, а с запада – пляжем.

Здесь никого не было. Просто не могло быть.

Возможно, птица. Или листва на ветру.

Территорию недавно проверял Симон. Морено взглянул на рослого смуглого бразильца в дорогом костюме (телохранитель одевался лучше, чем босс, хотя и неброско). Молчаливый Симон, лет тридцати с небольшим, имел грозный вид, как и следовало ожидать от представителя его профессии, но был вовсе не головорезом, а армейским офицером, перешедшим на гражданскую службу. С обязанностями охранника он справлялся прекрасно.

Посмотрев на босса, Симон подскочил к окну и выглянул наружу.

– Вроде что-то блеснуло, – объяснил Морено.

Телохранитель предложил задержать шторм, но услышал:

– Думаю, не стоит.

Морено решил, что Эдуардо де ла Руа, прилетевший сюда экономклассом за свой счет из города с хорошим воздухом, заслуживает того, чтобы полюбоваться живописным видом. Вряд ли трудолюбивому журналисту, предпочитавшему писать правду, а не славословия в адрес бизнесменов и политиков, часто доводилось жить в роскоши. Морено также решил, что пригласит гостя на обед в превосходный ресторан отеля «Саут-Коув инн».

Еще раз выглянув наружу, Симон вернулся в кресло и взял журнал.

Де ла Руа щелкнул кнопкой диктофона:

– Можно?

– Да, пожалуйста, – ответил Морено и полностью переключил внимание на журналиста.

– Мистер Морено, ваша организация «Движение за полномочия местных» только что открыла представительство в Аргентине, первое в этой стране. Не могли бы вы рассказать, как вам пришла эта идея? И чем занимается ваша группа?

Эту лекцию Морено читал уже десятки раз, слегка изменяя ее в зависимости от конкретного журналиста или аудитории, но суть оставалась проста: помочь местному населению отвергнуть влияние корпораций и правительства США, стать самодостаточным, особенно благодаря микрозаймам, микроземледелию и микробизнесу.

– Мы противостоям экспансии американских корпораций, – сказал он репортеру, – а также правительственной помощи и социальным программам, цель которых в конечном счете состоит в том, чтобы приучить нас к их ценностям. Нас рассматривают не как людей, а как источник дешевой рабочей силы и рынок для американских товаров. Замечаете порочный круг? Наш народ эксплуатируют на принадлежащих американцам предприятиях, а затем соблазняют покупать продукцию тех же самых компаний.

– Я много писал об инвестициях бизнеса в Аргентину и другие южноамериканские страны, – ответил журналист. – И мне известно о вашем движении, которое тоже занимается подобными инвестициями. Может создаться мнение, что вы выступаете против капитализма и вместе с тем им пользуетесь.

Морено откинул назад длинные, преждевременно тронутые сединой черные волосы.

– Нет, я выступаю против злоупотреблений капитализма – в частности, американского. Я применяю бизнес как оружие. Лишь глупец стал бы полагаться исключительно на идеологию. Идеи – только руль. Деньги – вот движущая сила.

– Использую эти фразы в подводке к статье, – улыбнулся репортер. – Кстати, я читал, что некоторые называют вас революционером.

– Ха, я всего лишь крикун, не более того! – сказал Морено, и его улыбка исчезла. – Но запомните мои слова: пока внимание мира сосредоточено на Ближнем Востоке, никто не замечает рождения намного более могущественной силы – Латинской Америки. Вот что я представляю. Новый порядок. Нас больше невозможно игнорировать.

Роберто Морено встал и шагнул к окну.

Над садом вздымалось ядоносное дерево высотой футов в сорок. Морено часто жил в этих апартаментах, и оно ему очень нравилось. Собственно, вызывало даже нечто вроде дружеских чувств. Ядоносные деревья внушительно выглядят, выживают в любых условиях и несут в себе некую суровую красоту. И еще они, как намекает название, ядовиты. Пыльца или дым от горящей древесины могут попасть в легкие, причиняя мучительный ожог. И при этом дерево дает пищу красивой багамской бабочке-паруснику, а белошапочные голуби кормятся его плодами.

«Я похож на это дерево, – подумал Морено. – Возможно, неплохой образ для статьи. Надо будет об этом тоже упомянуть...»

Что-то снова блеснуло.

Дальнейшее произошло за долю секунды. Редкая листва дерева дрогнула, и высокое окно перед Морено взорвалось. Стекло превратилось в миллионы кристаллов летящих льдинок, в груди расцвел огонь.

Морено обнаружил, что лежит на кушетке, стоявшей до этого в пяти футах позади него.

«Но... что произошло? Что такое?.. Я теряю сознание... теряю сознание... Не могу дышать...»

Он уставился на дерево, которое теперь, когда не мешало оконное стекло, было видно намного отчетливее. Ветви покачивались на дувшем со стороны воды легком ветру. Листья то увеличивались, то уменьшались. Дерево дышало за него – ибо ему самому не давал дышать огонь в груди. Не давала боль.

Вокруг слышались вопли и крики о помощи.

Кровь, повсюду кровь.

Заходило солнце, небо становилось все темнее и темнее. Но разве сейчас не утро? Перед глазами Морено возникли образы его жены, сына и дочери. Мысли расплывались, пока не осталась только одна – дерево.

«Яд и сила, яд и сила».

Огонь внутри ослабевал и исчезал. От облегчения на глазах выступили слезы.

Темнота сгустилась еще сильнее.

«Ядоносное дерево.

Ядоносное...

Ядо...»

Понедельник, 15 мая

II

Очередь

Глава 2

– Идет он или нет? – с нескрываемым раздражением спросил Линкольн Райм.

– Что-то случилось в больнице, – послышался голос Тома то ли из коридора, то ли из кухни, то ли откуда-то еще. – Он задержится. Позвонит, когда освободится.

– Что-то! Конкретнее некуда. «Что-то случилось в больнице».

– Так он мне сказал.

– Он доктор. Ему следует быть точнее. И не опаздывать.

– Он доктор, – подтвердил Том, – и это означает, что ему приходится иметь дело с неотложными случаями.

– Но он не сказал «неотложное». Он сказал «что-то». Операция назначена на двадцать шестое мая, и я не хочу снова ждать. И так уже долго тянется. Не понимаю, почему нельзя сделать раньше.

В красной инвалидной коляске «Штормовая стрела» Райм покатил к монитору компьютера и остановился возле ротангового кресла, занятого Амелией Сакс. Она была в черных джинсах и черной блузке без рукавов. С тонкой цепочки на шее свисал золотой кулон с одним бриллиантом и одной жемчужиной. День только начинался. Сквозь выходящие на восток окна падали лучи весеннего солнца, соблазнительно подсвечивая рыжие волосы женщины, собранные в пучок с оловянными заколками.

Райм переключил внимание на экран, просматривая отчет по делу об убийстве, раскрыть которое он помог нью-йоркской полиции.

– Почти готово, – сказала Сакс.

Они сидели в гостиной его дома на улице Централ-Парк-Уэст в Манхэттене. Некогда, вероятно, уединенная тихая комната для посетителей и истцов во времена Босса Твида¹ теперь превратилась в полноценную криминалистическую лабораторию, заполненную аппаратурой и приборами для исследования улик, компьютерами и проводами. Провода были повсюду, из-за чего коляска Райма постоянно на что-то натывалась, но толчки он ощущал лишь от плеч и выше.

– Доктор опаздывает, – буркнул Райм, обращаясь к Сакс.

В этом не было никакой нужды, поскольку при его разговоре с Томом она находилась не далее как в десяти футах. Но Райм еще чувствовал раздражение, и ему хотелось выплеснуть недовольство.

Осторожно переместив правую руку к сенсорной панели, он пролистал последние абзацы отчета и одобрил:

– Хорошо.

– Отправляю?

Райм кивнул, и она нажала клавишу. Зашифрованные шестьдесят пять страниц отправились в эфир. Прделав путь длиной шесть миль, они прибыли в криминальный отдел Управ-

¹ Уильям Мэйджир Твид, или Босс Твид (1823–1878) – один из самых беспринципных за всю историю американских политиков, сенатор от штата Нью-Йорк. Его имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

ления полиции Нью-Йорка в Куинсе. Там им предстояло стать основой для обвинительного заключения по делу Уильямса.

– Готово.

Готово... если не считать свидетельских показаний на процессе наркодельца, который послал двух подростков, двенадцати и тринадцати лет, на улицы Восточного Нью-Йорка и Гарлема совершить для него убийство. Райму и Сакс удалось найти и проанализировать мельчайшие следы, которые привели от ботинок одного из мальчишек к магазинной витрине в Манхэттене, затем к коврику в седане «лексус», от него к ресторану в Бруклине и, наконец, к дому Тая Уильямса.

Сам глава банды не присутствовал при убийстве свидетеля, не прикасался к оружию. Не осталось никаких сведений о том, что он заказчик, а юный стрелок был слишком напуган, чтобы давать против него показания. Но все эти преграды уже не имели значения для правосудия. Райм и Сакс раскрутили клубок доказательств, нить которых тянулась с места преступления прямо в логово Уильямса.

Ему предстояло провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь.

Амелия сомкнула пальцы, сжав левую руку Райма, неподвижно пристегнутую к креслу. Он понял это по едва видимым под ее бледной кожей сухожилиям. Женщина встала и потянулась. Оба работали над завершением отчета с раннего утра. Она проснулась в пять. Он чуть позже.

Райм заметил, как она поморщилась, идя к столу за чашкой кофе. В последнее время ей досаждала боль в бедре и колене, вызванная артритом. У Райма приведшее к параличу повреждение спинного мозга было тяжелой степени, но при этом ни на мгновение не причиняло мучений.

«Кем бы мы себя ни мнили, тело так или иначе нас подводит», – подумал он.

Даже у тех, кто в данный момент здоров и более-менее доволен жизнью, не все в перспективе безоблачно. Райм жалел спортсменов, прекрасных молодых людей, которые с ужасом предвидели собственный закат.

Но по иронии судьбы для самого Линкольна Райма было верно обратное. Он уже прошел девять кругов страданий, и состояние его улучшалось. Это стало возможным благодаря новым технологиям проведения операций на позвоночнике и его собственному бескомпромиссному отношению к тренировкам и рискованным экспериментальным процедурам.

Он вновь ощутил раздражение, вспомнив, что доктор опаздывает на назначенный сегодня осмотр перед предстоящей операцией.

Послышался двухтональный звонок в дверь.

– Я открою! – крикнул Том.

Дом был приспособлен к нуждам инвалида, и Райм мог воспользоваться компьютером, чтобы увидеть пришедшего, поговорить с ним и впустить. Или нет. Он не любил незваных гостей и, как правило, отсылал их прочь, порой грубо – если Том не действовал быстрее.

– Кто там? Сначала проверь.

Это не мог быть доктор Баррингтон, обещавший позвонить, после того как освободится от «чего-то», что его задержало. Принимать других посетителей Райм был не в настроении.

Но проверил ли его помощник, кто пришел, или нет, уже не имело значения – в гостиной появился Лон Селитто.

– Линк, ты дома?

«Кто бы сомневался!»

Упитанный детектив тут же направился к подносу с кофе и выпечкой.

– Хотите свежего? – спросил худощавый Том, облаченный в накрахмаленную белую рубашку, синий галстук в цветочек и темные слаксы. Сегодня он еще нацепил запонки – то ли из черного дерева, то ли из оникса.

– Нет, спасибо, Том. Привет, Амелия.

– Привет, Лон. Как Рейчел?

– Все хорошо. Занялась пилатесом. Забавное слово. Какие-то упражнения или вроде того.

На Селитто был типичный помятый коричневый костюм и столь же типичная помятая зеленовато-голубая рубашка. Красный полосатый галстук был нетипично отутюжен: на вид как оструганная доска. Недавний подарок, понял Райм. От Рейчел, его подружки? Был май – месяц без праздников. Возможно, сюрприз на день рождения. Райм не знал, когда Селитто появился на свет. Впрочем, как и даты рождения большинства других людей.

Гость пригубил кофе и дважды откусил от булочки. Он постоянно сидел на диете.

Эти двое много лет были коллегами, и главным образом именно Лон Селитто убедил Райма вернуться к работе после случившегося с ним несчастья. Не нянчась и не уговаривая, просто заставил поднять задницу и снова начать раскрывать преступления. Точнее, в случае Райма, продолжать сидеть на заднице и раскрывать преступления. Но, несмотря на эпопею их партнерских отношений, Селитто никогда не заскакивал в гости просто так. Ему, как первоклассному детективу, давали крупные поручения, исходившие из Большого дома по адресу: Полис-плаза, один. Обычно он оказывался ведущим следователем по делам, для которых Райма нанимали в качестве консультанта. И сейчас появление Селитто предвещало нечто новенькое.

– Ну, выкладывай, Лон, – окинул его взглядом Райм. – Что у тебя хорошего? Есть для меня какое-нибудь занимательное преступление? С интригами и подвохами?

Селитто сделал еще глоток и откусил от булочки.

– Все, что знаю: мне позвонили с самого верха с вопросом, свободен ли ты. Я ответил, что заканчиваешь дело Уильямса. Мне велели как можно скорее отправляться сюда, чтобы кое с кем встретиться. Они уже едут.

– Кое с кем? Они? – кисло переспросил Райм. – Столь же конкретно, как и «что-то», задержавшее моего доктора. Похоже, это заразно. Как грипп.

– Слушай, Линк, больше я ничего не знаю.

Райм искоса взглянул на Амелию:

– Лично мне никто по этому поводу не звонил. Сакс, а тебе звонили?

– Нет.

– Это по другой причине, – сказал Селитто.

– По какой еще другой причине?

– Что бы ни происходило, это тайна. И должна таковой остаться.

«Ну что ж, – решил Райм, – по крайней мере, и впрямь интригующе».

Глава 3

Райм поднял взгляд на двух вошедших в гостиную посетителей, совершенно не похожих друг на друга.

У одного из них, мужчины лет пятидесяти, с военной выправкой, в купленном, а не сшитом на заказ костюме – выдавали плечи – темно-синего, почти черного цвета, было чисто выбритое лицо с двойным подбородком, загорелая кожа и короткая, как у морпеха, стрижка.

«Наверное, крупная шишка», – подумал Райм.

Другая, женщина лет тридцати, была приземистой, крепко сбитой, хотя пока не страдала избыточным весом. Ее светлые тусклые волосы, уложенные на манер шестидесятых, были обильно залиты лаком. Райм отметил, что своей бледностью она обязана густо нанесенному макияжу телесных оттенков. Никаких прыщей или иных дефектов кожи не наблюдалось, и он решил, что таков попросту ее стиль. Черные, будто ружейные дула, глаза не были подчеркнуты тенями или подводкой, отчего еще резче выделялись на сливочном фоне лица. Бесцветными выглядели и сухие губы. Райм предположил, что вряд ли на этих губах часто играет улыбка.

Выбрав некую цель – компьютер, окно, Райма, – женщина устремляла туда пронизывающий, как лазер, взгляд, пока не просвечивала объект насквозь до полного понимания или не признавала несущественным. Ее серый, тоже недорогой костюм был плотно застегнут на три пластиковые пуговицы, расположенные слегка неровно. Райм подумал, что, возможно, она нашла идеально сидящий по фигуре пиджак, но с позорными застежками – и заменила их сама. На ногах у нее были поношенные черные туфли на низком каблуке, недавно обработанные жидкой пастой от царапин.

«Все ясно», – подумал Райм.

Казалось, он знал, кто ее работодатель. От этого становилось еще любопытнее.

– Линк, это Билл Майерс, – сказал Селитто.

– Капитан, для меня большая честь познакомиться с вами, – кивнул гость.

Он обратился к Райму по последнему званию, которое тот носил в Управлении полиции Нью-Йорка, откуда несколько лет назад вышел на пенсию по инвалидности. Это лишь подтверждало, что Райм был прав и перед ним действительно крупная шишка.

Проехав вперед в инвалидной коляске, Райм протянул руку. Заметив столь отрывистое движение, Майерс, поколебавшись, пожал его ладонь. Райм тоже кое-что заметил: Амелия слегка напряглась. Ей не нравилось, когда он использовал конечность и пальцы без особой нужды, чисто из вежливости. Но Линкольн Райм ничего не мог с собой поделать. Последние десять лет он прилагал немалые усилия, чтобы исправить то, как поступила с ним судьба, и гордился немногими своими победами, демонстрируя их при любом удобном случае.

К тому же какой смысл в игрушке, если ты с ней не играешь?

Майерс представил таинственную незнакомку. Ее звали Нэнс Лорел.

– Линкольн, – сказал Райм.

Похоже, на этот раз его рукопожатие оказалось крепче, хотя сам он, естественно, понять этого не мог. Движение не сопровождалось каким-либо ощущением.

Лорел уставилась пронизывающим взглядом на густые каштановые волосы Райма, его мясистый нос, проницательные темные глаза.

– Здравствуйте, – коротко произнесла она.

– Так вы заместитель окружного прокурора? – спросил Райм.

Женщина никак внешне не отреагировала на его умозаклучение, отчасти бывшее лишь догадкой.

– Что? Да, – поколебавшись, ответила она.

Голос ее звучал четко и ясно, подчеркивая шипящие.

Затем Селитто представил гостей Амелии Сакс. Майерс оценивающе взглянул на нее, будто в неменьшей степени был знаком и с ее заслугами. Райм заметил, что Сакс невольно поморщилась, обмениваясь рукопожатиями, и направилась к креслу слегка измененной походкой. Только он один увидел, что она незаметно бросила в рот пару таблеток ибупрофена и проглотила насухо. Как бы ни мучила ее боль, ничего сильнодействующего она не принимала.

Оказалось, Майерс тоже был в звании капитана и возглавлял в управлении подразделение, о котором Райм ничего не слышал, – специальный оперативный отдел. Значит, тот появился недавно. Судя по уверенному поведению и уклончивому взгляду, Майерс и его команда обладали внутри полицейского управления немалой властью. Возможно, он вел некую игру, видя свое будущее в городской администрации.

Сам Райм никогда не интересовался внутренними играми в организациях вроде Управления полиции Нью-Йорка, а уж тем более происходящим в Олбани или Вашингтоне. В данный момент для него представлял интерес исключительно факт присутствия здесь этого человека. Появление высокопоставленного полицейского с загадочным послужным списком в обществе сосредоточенной, будто гончая, заместительницы окружного прокурора предвещало работу, которая позволила бы забыть о ненавистной скуке, ставшей после несчастного случая худшим его врагом.

Райм понял, что от предвкушения сильнее забилося сердце, но лишь по ощущениям в висках, а не в лишенной чувствительности грудной клетке.

– Лорел очертит вам суть ситуации, – сказал Билл Майерс, кивнув коллеге.

Покосившись на Селитто, Райм отметил, что тот остался невозмутим. «Очертит суть». Ему не нравились подобного рода высокопарные штампы, которыми усеивали свою речь бюрократы и журналисты. Чем-то они напоминали ярко-рыжие пряди в волосах женщин средних лет или татуировки на щеках.

– Капитан... – после некоторой паузы начала Лорел.

– Линкольн. Я в отставке.

Снова пауза.

– Линкольн, да. Я веду дело, и в силу ряда необычных обстоятельств мне предложили обратиться к вам за помощью в расследовании. К вам и к детективу Сакс. Как я понимаю, вы часто работаете вместе.

– Верно.

«Интересно, эта зампрокурора Лорел вообще способна расслабляться? – подумал Райм. – Сомневаюсь».

– Сейчас объясню, – пообещала она. – В прошлый вторник, девятого мая, в отеле класса люкс на Багамах был убит американский гражданин. Местная полиция расследует преступление, но у меня есть основания полагать, что убийца – американец и уже вернулся в страну. Вероятно, он находится в Нью-Йорке или окрестностях.

Она делала паузу почти перед каждой фразой. Тщательно подбирала слова? Или оценивала последствия, если скажет что-то не то?

– ...В мои планы не входит выдвигать против преступников обвинение в убийстве. Не так-то просто возбудить дело в суде штата о преступлении, совершенном в другой стране. Это возможно, но займет слишком много времени. – Она снова поколебалась, на этот раз дольше. – А нам важно действовать быстро.

«Почему?» – подумал Райм.

Интригующе...

– Я ищу другие, независимые факты для обвинения. В Нью-Йорке.

– Преступный сговор, – тут же сделал вывод Райм. – Что ж, неплохо. Мне нравится. Вы исходите из предположения, что убийство планировалось здесь?

– Именно, – ответила Лорел. – Заказчиком убийства был житель Нью-Йорка. Потому дело и входит в мою юрисдикцию.

Как и все полицейские, в том числе бывшие, Райм знал законы не хуже большинства юристов. Он вспомнил соответствующую статью из уголовного кодекса штата Нью-Йорк: «Преступный сговор наступает в случае, когда намеревающийся совершить преступное деяние договаривается с одним или несколькими лицами об участии в таковом деянии или его совершении».

– Можете открывать дело здесь, даже если убийство произошло за пределами штата, поскольку соответствующее деяние является в Нью-Йорке преступлением, – добавил он.

– Именно так, – кивнула Лорел.

Если она и была довольна, что Райм правильно проанализировал ситуацию, понять это по ее виду было нельзя.

– Вы сказали – заказчик убийства? – спросила Сакс. – Речь идет об организованной преступности?

Многих крупнейших боссов организованной преступности невозможно было арестовать и обвинить в совершенных ими вымогательствах, убийствах и похищениях – не удавалось найти ничего, что связывало бы их с конкретным преступлением. Но их часто отправляли в тюрьму за соучастие в подготовке этих деяний.

– Нет, – ответила Лорел. – Речь о другом.

Мысли Райма лихорадочно заработали.

– Но если мы опознаем и схватим заговорщиков, багамцы потребуют их выдать. По крайней мере, убийцу.

Лорел секунду смотрела на него молча. Ее паузы начинали раздражать.

– Я буду против экстрадиции, – наконец сказала она. – И свои шансы на успех я оцениваю в девяносто с лишним процентов.

Для женщины тридцати с небольшим лет Лорел выглядела молодо – в ней чувствовалась невинность школьницы. Нет, «невинность» – неподходящее слово, решил Райм. Скорее, целеустремленность.

Или ослиное упрямство. Тоже вполне бы подошло.

– У вас есть подозреваемые? – спросил Селитто, обращаясь к Лорел и Майерсу.

– Да. Кто убийца, мне пока неизвестно, но я знаю двоих заказчиков.

Райм улыбнулся. Любопытство его росло наряду с ощущением, которое, вероятно, испытывает волк, почуяв единственную молекулу запаха добычи. Он видел, что Нэнс Лорел чувствует то же самое, хотя ее охотничья страсть была не столь заметна под маской макияжа.

Он уже понимал, к чему все идет. Цель выглядела более чем интригующей.

– Убийство было совершено по заказу правительственного чиновника США – главы НРОС, Национальной разведывательно-оперативной службы, которая расположена здесь, в Манхэттене.

Примерно к таким же выводам пришел и Райм, хотя подозревал ЦРУ или Пентагон.

– Господи, – прошептал Селитто. – Хотите засадить федерала? – Он взглянул на невозмутимого Майерса, затем снова на Лорел. – Каким образом?

Паузы хватило на два глубоких вдоха.

– Что вы имеете в виду, детектив? – озадаченно спросила Лорел.

Селитто, вероятно, не имел в виду ничего, помимо того, что уже сказал.

– Разве он не обладает неприкосновенностью?

– Юристы НРОС наверняка попытаются сослаться на неприкосновенность, но эта область мне знакома – я писала статью в юридический журнал о неприкосновенности правительственных чиновников. Я оцениваю свои шансы на успех примерно в девяносто процентов в судах

штатов и в восемьдесят – в суде второй инстанции в случае апелляции. Если мы доберемся до Верховного суда, можно уже не беспокоиться.

– Что говорит закон о неприкосновенности? – спросила Сакс.

– Это вопрос статьи о верховенстве права, – объяснила Лорел. – Конституция гласит, что в случае конфликта законов федеральное законодательство имеет верх над законами штата. Нью-Йорк не может преследовать федерального служащего за преступления на уровне штата, если этот служащий действовал в пределах своих полномочий. В нашей же ситуации, полагаю, глава НРОС вышел далеко за эти пределы.

Лорел взглянула на Майерса.

– Мы в полной мере учитываем данный вопрос, – сказал он. – Но у нас имеются серьезные основания полагать, что этот человек манипулирует информацией, ставшей основой для убийства, в своих собственных целях.

«Манипулирует... информацией...»

– И что же это за цели? – поинтересовался Райм.

– Мы точно не знаем, – ответил капитан. – Похоже, он одержим идеей защитить страну, ликвидируя каждого, кто представляет для нее угрозу. Даже тех, кто, возможно, ничем не угрожает, если он считает их поведение непатриотичным. Тот, кого он приказал убить в Нассау, не был террористом. Он всего лишь...

– Говорил то, что думал, – сказала Лорел.

– Один вопрос, – вмешалась Сакс. – Генеральный прокурор штата дал добро?

Лорел снова колебалась, возможно на этот раз скрывая недовольство упоминанием ее шефа и его разрешения на расследование. Впрочем, сказать было трудно.

– Информация об убийстве поступила в наш офис в Манхэттене, той самой юрисдикции, в которой находится НРОС. Мы обсуждали это с окружным прокурором. Я хотела взяться за дело, поскольку имею опыт в вопросах неприкосновенности, к тому же меня крайне беспокоит подобный тип преступлений. Я лично считаю, что любой акт ликвидации неконституционен из-за возникающих при этом процессуальных проблем. Окружной прокурор спросил меня, знаю ли я, что это мина, на которой легко подорваться. Я ответила утвердительно. Он обратился к прокурору штата в Олбани, и тот разрешил мне действовать. Так что – да, у меня есть его благословение.

Она пристально посмотрела на Сакс, которая рикошетом послала ей столь же решительный взгляд.

Райм отметил про себя, что как окружной прокурор Манхэттена, так и прокурор штата принадлежат к политической партии, находившейся в оппозиции к нынешней администрации в Вашингтоне. Стоило ли принимать это во внимание? Он решил, что цинизм таковым не является, если в его поддержку свидетельствуют факты.

– Добро пожаловать в осиное гнездо, – произнес Селитто, вызвав улыбку у всех, кроме Лорел.

– Потому я и предложил пригласить вас, капитан, когда к нам обратилась Нэнс, – сказал Майерс Райму. – Вы с детективами Селитто и Сакс действуете чуть более независимо, чем обычные полицейские. И вы не настолько привязаны к центру, как большинство следователей.

Линкольн Райм работал консультантом для Управления полиции Нью-Йорка, ФБР и любых других организаций, готовых платить крупные суммы, которые он брал за свои услуги криминалиста при условии, что дело покажется ему по-настоящему интересным.

– И кто же соучастник, этот самый глава НРОС? – спросил он.

– Его зовут Шрив Мецгер.

– А есть мысли, кто может быть убийцей? – спросила Сакс.

– Нет. Возможно, он – или она – из военных, и тогда это проблема. Хорошо, если нам повезет и он окажется штатским.

– Повезет? – переспросила Сакс.

Райм предполагал, что Лорел имеет в виду возможные проблемы с системой военной юстиции, но она объяснила:

– Присяжные будут больше сочувствовать солдату, чем наемнику или гражданскому.

– Вы упомянули о двух соучастниках, помимо убийцы. Один – Мецгер, а второй?

– А! – слегка пренебрежительно бросила Лорел. – Президент.

– Президент чего? – спросил Селитто.

Даже если Лорел и не требовалось ни над чем размышлять, она все равно сделала паузу.

– Соединенных Штатов, естественно. Я уверена, что любой акт ликвидации требует одобрения президента. Но преследовать его я не собираюсь.

– Господи, надеюсь на это, – воскликнул Лон Селитто с коротким смешком, прозвучавшим будто сдавленное чихание. – Это не просто политическая мина, а целая ядерная бомба.

Лорел нахмурилась, будто ей приходилось переводить его слова с исландского.

– Проблема не в политике, детектив. Даже если президент действовал вне пределов своих полномочий, отдавая приказ об убийстве, в его случае уголовной процедурой станет импичмент. Но это уж точно не в моей юрисдикции.

Глава 4

Его на мгновение отвлек запах жареной рыбы – вроде бы с лаймом и плантаном – и каких-то специй. Он не мог точно определить каких.

Принюхался. Что это может быть?

Невысокий короткостриженный мужчина небрежным шагом двинулся дальше по разбитому тротуару, а местами, где отсутствовали бетонные плиты, – по грунтовой дорожке. Распахнув на жаре полы темного пиджака, он похвалил себя, что не надел галстук. Возле заросшей сорняками парковки он снова остановился. Улица, заставленная невзрачными лавчонками и домиками в пастельных тонах, которым явно не хватило краски, поздним утром была пуста. Никого. Лишь две дворняги развалились в тени.

Но вскоре появилась она.

Выйдя из магазина «Забавы в глубинах», торговавшего снаряжением для дайвинга, она направилась в сторону Уэст-Бей, держа в руке роман Габриэля Маркеса.

Голову загорелой девушки венчала копна светлых волос, а с виска до груди свисала единственная косичка, украшенная бисером. Стройная фигурка напоминала песочные часы. Желтое с красным бикини виднелось сквозь соблазнительно просвечивающее оранжевое парео до щиколоток. Девушка источала жизненную энергию играючи, с шаловливой улыбкой на губах.

Так, как сейчас.

– Кого я вижу! – произнесла она, подойдя к мужчине.

Они встретились в тихом торговом районе вдали от центра Нассау. Собаки сонно наблюдали за ними, опустив уши, будто загнутые страницы книги.

– Привет, – сказал Джейкоб Свонн.

Он снял солнцезащитные очки и вытер лицо, жалея, что не взял с собой крем от загара. Это путешествие на Багамы он не планировал.

– Гм... возможно, у меня телефон не работает, – криво усмехнулась Аннет.

– Скорее всего, работает, – поморщившись, ответил Свонн. – Я знаю: сказал, что позвоню. Виноват.

Впрочем, вряд ли его проступок был очень уж значителен. Он платил Аннет за ее общество, так что ее кокетливое замечание прозвучало не столь язвительно, как могло бы в иных обстоятельствах.

С другой стороны, на прошлой неделе их встреча стала чем-то большим, нежели просто коммуникация между клиентом и девушкой по вызову. Тогда она взяла с него плату лишь за два часа, а подарила целую ночь. Само собой, на фильм «Красотка» это не тянуло, но довольны остались оба.

Оплаченные часы пролетели быстро. В окно дул легкий влажный ветерок, тишину нарушал размеренный шум океана. Свонн спросил, не хочет ли она задержаться, и Аннет согласилась. В номере мотеля была мини-кухня, и он соорудил поздний ужин. По приезду в Нассау Свонн закупился провизией, включая козлятину, лук, кокосовое молоко, масло, рис, острый соус и местные специи. Ловко отделив кости, он нарезал мясо на кусочки и замариновал в молочной сыворотке. Блюдо тушилось на медленном огне шесть часов и к одиннадцати вечера было готово. Они поели, запивая вполне приличным французским красным вином из долины Роны. И вернулись в постель.

– Как идут дела? – кивнул Свонн в сторону магазина, давая понять, что конкретно он имеет в виду.

Работа на полставке в «Забавах в глубинах» позволяла Аннет находить клиентов, плативших намного больше, чем за аренду акваланга. Двусмысленность названия магазина не ускользнула от обоих.

– Неплохо, – эффектно пожала она плечиками. – Проблемы в экономике дают о себе знать, но богачам все так же хочется общения с кораллами и рыбами.

Заросшую сорняками парковку украшали лысые шины, разбросанные бетонные блоки и несколько погнутых ржавых корпусов каких-то давно выпотрошенных приборов. С каждой секундой становилось все жарче. Повсюду были яркое солнце и пыль, неподстриженные кусты, буйная трава. И запахи – жареной рыбы, лайма, бананов и дыма от горящего мусора.

И каких-то специй. Что же это?

– Не помню, чтобы говорила тебе, где работаю, – сказала Аннет.

– Да, говорила.

Он пригладил волосы, чувствуя, как потеет голова, и снова распахнул пиджак. Стало полегче.

– Тебе не жарко?

– Я ходил на деловой завтрак. Полагалось выглядеть соответственно. Вот только что вернулся. А у тебя есть планы?..

– Как насчет вечера? – соблазнительно предложила Аннет.

– Увы, вечером у меня еще одна встреча. – Джейкоб Свонн бросил на нее взгляд, в котором не было ни сожаления, ни мальчишеского заигрывания. – Я думал, может, сейчас?

Ему очень хотелось увидеть страсть в ее глазах.

– Что это было за вино?

– Которое мы пили за ужином? «Шатонеф-дю-Пап». Не скажу, с какого виноградника.

– Оно просто бесподобное.

Джейкоб Свонн никогда бы сам не употребил этого слова, но решил, что полностью с ней согласен. Вино и впрямь было бесподобно – как и она сама. Тонкие тесемки бикини прямо-таки ждали, чтобы за них потянули. Шлепанцы открывали синие ногти и золотые кольца на больших пальцах ног, составлявшие пару кольцам в ушах. И еще – замысловатый набор золотых браслетов.

Аннет тоже оценивающе смотрела на клиента, наверняка вспоминая его обнаженную мускулистую фигуру, узкую талию, могучую грудь и рельефные руки. Над этим ему пришлось потрудиться.

– У меня были планы, но... – сказала она, завершив фразу улыбкой.

Направившись к машине, Аннет взяла его за руку. Свонн усадил спутницу на пассажирское сиденье, и она объяснила, как проехать к ней домой.

Он завел двигатель, но, не успев тронуться с места, спохватился:

– Совсем забыл. Может, я и не позвонил, но принес тебе подарок.

– Да? – обрадовалась она. – И что же это?

Он потянулся назад к рюкзаку, который использовал вместо дипломата, и достал из него маленькую коробочку.

– Ты ведь любишь украшения?

– Какая же девушка их не любит? – улыбнулась Аннет.

– Это не вместо твоего гонорара, – сказал он. – Это в дополнение к нему.

– Ой, да ладно, – пренебрежительно усмехнулась она и сосредоточилась на узкой коробочке, пытаясь ее открыть.

Свонн окинул взглядом улицу. Было все так же безлюдно. Замахнувшись левой рукой с широко расставленными большим и указательным пальцами, он нанес девушке весьма специфический удар в горло.

Она судорожно вдохнула, широко раскрыв глаза, и откинулась на спинку сиденья, хватаясь за поврежденную шею.

– Хнн, хнн, хнн...

Ударить так было непросто. Требовалось бить мягко и не полностью сломать гортань, чтобы жертва могла говорить, – но достаточно сильно, чтобы не могла кричать.

Аннет уставилась на мужчину, пытаясь произнести его имя – поддельное имя, которым он назвался на прошлой неделе. У Свонна было три американских паспорта и два канадских, а также кредитные карты на пять различных имен. Он даже не мог вспомнить, когда в последний раз представлялся как Джейкоб Свонн кому-то не из числа хороших знакомых.

Бесстрастно глядя на девушку, он достал из рюкзака катушку скотча. Надев латексные перчатки телесного цвета, оторвал полоску клейкой ленты.

И тут понял, что за пряность использовал жаривший неподалеку рыбу повар.

Кориандр.

И как он сразу не сообразил?

Глава 5

– Убитого звали Роберт Морено, – заявила Лорел. – Тридцати восьми лет.

– Морено... звучит знакомо, – поделилась мыслями Сакс.

– О нем пишут на первых полосах, – подсказал капитан Билл Майерс.

– Погодите, – вспомнил Селитто. – Американец, который против Америки? Кажется, так его охарактеризовали в одном из заголовков?

– Верно, – кивнул капитан и коротко прокомментировал: – Придурок.

Жаргон он на этот раз использовать не стал.

Райм отметил, что Лорел не пришлось по душе замечание Майерса. Она была явно не в настроении тратить время на пустые разговоры. Он вспомнил, что ей хотелось действовать как можно быстрее. Причина этого теперь стала ясна: вероятно, как только в разведке узнали бы о расследовании, были бы предприняты все возможные шаги, чтобы его остановить, – как законные, так и не вполне.

Он тоже чувствовал нарастающее раздражение. Хотелось чего-то интригующего.

Лорел показала фотографию приятного мужчины в белой рубашке, сидевшего перед микрофоном. У него были округлые черты лица и редящиеся волосы.

– Это недавний снимок из радиостудии Морено в Каракасе, – сказала заместитель окружного прокурора. – У него был американский паспорт, но жил он в Венесуэле. Девятого мая, когда он находился в деловой поездке на Багамах, его застрелил снайпер в номере отеля. Погибли еще двое: телохранитель Морено и репортер, пришедший взять интервью. Телохранитель – бразилец, живший в Венесуэле. Репортер – пуэрториканец, живший в Аргентине.

– В прессе об этом почти не упоминалось, – заметил Райм. – Если бы правительство, так сказать, поймали с пальцем на спусковом крючке, шума было бы куда больше. Кого предполагают ответственным за убийство?

– Наркокартели, – ответила Лорел. – Морено создал организацию под названием «Движение за полномочия местных», работающую с коренными и неимущими жителями Латинской Америки. Он критически относился к контрабанде наркотиков, что могло раздражать кое-кого в Боготе и некоторых центральноамериканских странах. Но я не смогла найти фактов, подтверждающих, что какой-то конкретный картель хотел бы его смерти. Я убеждена, что Мещгер и НРОС подбросили все эти истории насчет картелей, чтобы отвлечь внимание от себя самих. Есть еще кое-что, о чем я не упоминала. Мне точно известно, что его убил снайпер НРОС. У меня есть доказательства.

– Доказательства? – переспросил Селитто.

Судя по языку тела Лорел, но не по выражению ее лица, она с радостью готова была поделиться подробностями.

– У нас есть информатор – в самой разведке или связанный с ней. От него поступила утечка об ордере, дававшем полномочия на убийство Морено.

– Утечка? – спросил Селитто. – Это вроде как в «Викиликс»? – Он покачал головой. – Нет, такого просто не могло быть.

– Согласен, – сказал Райм. – Иначе об этом уже трубили бы во всех новостях. Информация поступила непосредственно в окружную прокуратуру. И без лишнего шума.

– Да, – кивнул Майерс. – Информация об ордере на убийство поступила по внутренним каналам.

Не обращая внимания на своеобразный язык капитана, Райм развернулся к Лорел:

– Расскажите нам о Морено.

Она изложила его историю, будто знала наизусть. Семья Морено, родом из Нью-Джерси, покинула страну, когда мальчику было двенадцать, и переехала в Центральную Америку из-

за работы отца, геолога одной из американских нефтяных компаний. Сперва Морено ходил в американские школы, но после самоубийства матери сменил их на местные, где делал немалые успехи.

– Самоубийство? – спросила Сакс.

– У нее, судя по всему, возникли сложности из-за переезда... а муж был вынужден постоянно посещать места разработок и потому почти не бывал дома.

Лорел продолжала описывать портрет жертвы. Уже в юности у Морено возникло отвращение к тому, как правительство США и корпорации эксплуатируют коренное население Центральной и Южной Америки. Закончив колледж в Мехико, он стал радиожурналистом и активистом, яростно атакуя в своих репортажах Штаты и то, что он называл империализмом двадцать первого века.

– Он обосновался в Каракасе и создал организацию «Движение за полномочия местных» в качестве альтернативы для рабочих, позволявшей им обрести независимость без необходимости искать работу в американских и европейских компаниях или обращаться за американской помощью. У движения есть несколько филиалов в Центральной и Южной Америке, а также на Карибах.

– Вряд ли это можно назвать биографией террориста, – в замешательстве произнес Райм.

– Именно, – кивнула Лорел. – Но должна сказать вам, что Морено выступал в поддержку ряда террористических группировок: «Аль-Каиды», «Аль-Шабаба», «Исламского движения Восточного Туркестана» в китайском Синьцзяне. Он также вступил в союз с несколькими экстремистскими группировками в Латинской Америке: колумбийской Армией национального освобождения, Революционными вооруженными силами Колумбии, а также Объединенными силами самообороны. В немалой степени он симпатизировал «Сендеро Луминосо» в Перу.

– «Сияющему пути»? – переспросила Сакс.

– Да.

«Враги моих врагов – мои друзья, – подумал Райм. – Даже если они взрывают детей».

– И все-таки? – спросил он. – Ликвидация? За это?

– Недавние блоги и радиопередачи Морено приобретали все более антиамериканскую направленность, – объяснила Лорел. – Он называл себя Посланником Истины, и некоторые его послания были воистину полны яда. Морено в самом деле ненавидел свою страну. Ходили слухи, будто он вдохновлял людей убивать американских туристов и военных или закладывать бомбы в американских посольствах и компаниях за рубежом. Но я не смогла найти ни одного случая, когда он приказал бы совершить некий конкретный теракт или намекнул на это хотя бы словом. Вдохновлять на злодейство не то же самое, что его замышлять.

Хотя Райм был знаком с мисс Нэнс Лорел всего несколько минут, он подозревал, что та подбирает слова со всей возможной тщательностью.

– Но НРОС заявила о наличии данных, что Морено планирует реальный теракт – взрыв в штаб-квартире нефтяной компании в Майами. Они перехватили телефонный разговор на испанском, и анализ голоса подтвердил, что это Морено. – Она порылась в потрепанном портфеле, сверяясь с записями. – Говорит Морено: «Моя цель – компания „Американ петролеум“ во Флориде. В среду». Его неизвестный собеседник: «Десятого? Десятого мая?» Морено: «Да, в полдень, когда работники пойдут на обед». Собеседник: «А как насчет... ну, ты понял... доставки?» Морено: «На грузовиках». Дальше следует неразборчивый фрагмент. И снова Морено: «И это только начало. У меня куда больше подобных посланий».

Она убрала записи в портфель и сказала:

– У этой компании два подразделения во Флориде и окрестностях: юго-восточная штаб-квартира в Майами и нефтяная платформа у побережья. Вряд ли речь может идти о платформе, поскольку Морено упоминал грузовики. НРОС уверена, что целью должна была стать штаб-квартира на Брикелл-авеню. Одновременно аналитики выяснили, что связанные с Морено

компании в течение последнего месяца поставляли на Багамы дизельное топливо, удобрения и нитрометан.

Три популярных ингредиента импровизированных взрывных устройств. Именно с помощью этих веществ было уничтожено федеральное здание в Оклахома-Сити. И туда их тоже доставили на грузовике.

– Очевидно, Мецгер посчитал, – продолжила Лорел, – что, если Морено будет убит до того, как бомба окажется в Соединенных Штатах, его приспешники не смогут реализовать задуманное. Его застрелили накануне предполагаемого инцидента в Майами. Девятого мая.

Пока было похоже на то, что, вне зависимости от отношения к заказным убийствам как таковым, решение Мецгера спасло немало жизней.

Райм уже собирался упомянуть об этом Лорел, но та его опередила:

– Однако Морено говорил вовсе не о теракте. Речь шла о мирном протесте. Десятого мая, в полдень, перед штаб-квартирой «Американ петролеум» появилось несколько грузовиков. И они привезли вовсе не бомбы, а людей на демонстрацию. Что же касается ингредиентов для взрывчатки... Они предназначались для его филиала «Движения за полномочия местных» на Багамах. Дизельное топливо – для транспортной компании, удобрения – для сельскохозяйственных кооперативов, а нитрометан – для использования в качестве инсектицида. Все законно. Это были единственные материалы, упомянутые в распоряжении, одобрявшем убийство Морено. Помимо них в той же поставке значились также тонны зерна, риса, запчастей для грузовиков, воды в бутылках и прочих невинных вещей, о которых НРОС для собственного удобства предпочла умолчать.

– Может, ошибка в данных? – предположил Райм.

Последовала долгая пауза.

– Нет, – наконец ответила Лорел. – Думаю, мы имеем дело с манипуляцией данными. Мецгеру не нравился Морено, не нравилась его риторика. Известно, что Мецгер называл его «презренным предателем». Думаю, он не стал делиться с начальством всей информацией, и большие шишки в Вашингтоне одобрили миссию, решив, будто речь идет о бомбе, хотя Мецгер знал, что это не так.

– То есть НРОС убила невинного, – сказал Селитто.

– Да, – чуть живее обычного ответила Лорел. – Но оно и к лучшему.

– Что? – вырвалось у Сакс.

Возникла короткая заминка. Лорел явно не поняла, в чем причина смутения Сакс, аналогичного реакции на предшествующее замечание помощницы прокурора, что им, возможно, «повезет», если убийца окажется гражданским, а не военным.

– Опять все те же присяжные, Сакс, – объяснил Райм. – Они с большей вероятностью признают виновным подсудимого, который убил активиста, всего лишь воспользовавшегося предоставленным Первой поправкой правом на свободу слова, чем убийцу закоренелого террориста.

– Для меня нет моральной разницы между тем и другим, – добавила Лорел. – Никому нельзя вынести приговор без надлежащих судебных процедур. Но Линкольн прав: мне приходится учитывать возможное мнение присяжных.

– Капитан, – обратился Майерс к Райму, – если мы хотим, чтобы нам было на что опираться, нам нужен кто-то вроде вас, прагматично мыслящий и с твердой почвой под ногами.

Оборот он выбрал не слишком удачный, учитывая основное средство передвижения, которым вынужденно пользовался криминалист.

Первой реакцией Райма было согласиться. Дело выглядело интригующим и во всех отношениях многообещающим. Однако Сакс, как он заметил, уставилась в пол, по привычке почесывая голову. Ее явно что-то беспокоило – но что?

– Вы же не пытались обвинить ЦРУ по делу аль-Авлаки, – сказала она помощнице прокурора.

Анвар аль-Авлаки, гражданин США, был радикальным мусульманским имамом и сторонником джихада, а также крупным игроком в йеменском подразделении «Аль-Каиды». Будучи эмигрантом, как и Морено, он получил прозвище Бен Ладен Интернета, выступая в своем блоге со страстными призывами атаковать американцев. Среди тех, кого он вдохновил, были виновник массового убийства на военной базе Форт-Худ в две тысячи девятом году, несостоявшийся нигерийский смертник, пытавшийся взорвать в том же году самолет, и исполнитель теракта на Таймс-сквер в две тысячи десятом.

Аль-Авлаки и еще один американский гражданин, обеспечивавший его сетевые публикации, были убиты посредством атаки дрона по указанию ЦРУ.

Вопрос привел Лорел в замешательство.

– Как я могла их обвинить? Я заместитель окружного прокурора Нью-Йорка, и ничто не связывает этот штат с ликвидацией аль-Авлаки. Но если ваш вопрос, детектив Сакс, состоит в том, выбираю ли я дела, которые, по моему мнению, могу выиграть, то ответ – да. Дело по обвинению Мецгера в убийстве известного и опасного террориста, вероятно, лишено каких-либо шансов на выигрыш, так же как и дело об убийстве гражданина другой страны. Но расстрел Морено я сумею надлежащим образом преподнести присяжным. И если Мецгер и его снайпер будут признаны виновными, я смогу заняться и другими, не столь однозначными делами. – Она помедлила. – Или, возможно, правительство проведет ревизию своей политики и начнет придерживаться Конституции... перестав нанимать убийц.

Сакс бросила взгляд на Райма.

– Гм, не знаю, – сказала она, обращаясь к Лорел и Майерсу. – Что-то тут не так.

– Не так? – переспросила Лорел, совсем сбита с толку.

– Я не уверена, что это работа для нас, – добавила Сакс, потирая друг о друга два пальца.

– Для вас с Линкольном? – уточнила Лорел.

– Для любого из нас. Это вопрос политики, а не криминала. Вы хотите, чтобы НРОС перестала убивать людей, – что ж, прекрасно. Но ведь это задача конгресса, а не полиции?

Лорел украдкой взглянула на Райма. В словах Сакс определенно был смысл, который не пришел ему в голову. Его крайне мало волновали абстрактные вопросы добра и зла, когда речь шла о соблюдении закона. Вполне хватало, если Олбани, Вашингтон или городской совет объявляли некое деяние преступлением, за которое полагалась ответственность. Дальнейшая его задача была проста – выследить преступника и собрать улики.

Примерно как в шахматах. Имело ли хоть какое-то значение, что создатели этой загадочной игры объявили ферзя всемогущим, а коня заставили сворачивать под прямым углом? Нет. Но поскольку таковы были правила, приходилось по ним играть.

Он не сводил глаз с Сакс, не обращая внимания на Лорел.

Внезапно поза зампрокурора едва заметно изменилась. Райм подумал, будто она заняла оборонительную позицию, но тут же понял, что ошибся. Она готова была отстаивать свое мнение, будто выступая в суде перед присяжными, которых пока не удалось убедить в виновности подозреваемого.

– Амелия, мне кажется, справедливость кроется в деталях, – начала Лорел. – В мелочах. Я выступаю с обвинением по делу об изнасиловании не потому, что сексуальное насилие в отношении женщин подрывает стабильность общества, а потому, что некий человек совершает действия, запрещенные пунктом тридцать пятым статьи сто тридцатой уголовного кодекса штата Нью-Йорк. Именно этим я занимаюсь. Мы все этим занимаемся. – Помедлив, она добавила: – Прошу вас, Амелия. Мне известны ваши достижения. И я хотела бы видеть вас в составе команды.

«Тщеславие или идеология?» – подумал Райм, оценивающе глядя на плотную фигуру Нэнс Лорел, ее жесткие волосы и короткие пальцы с неухоженными ногтями, маленькие ноги в практичных туфлях-лодочках, которые она столь же тщательно покрыла маскирующей изъяны пастой, как и собственное лицо макияжем. Что именно ею двигало, он так и не мог до конца понять, но заметил нечто, от чего его бросило в дрожь, – полное отсутствие какой-либо страсти в ее черных глазах. А чтобы бросить в дрожь Линкольна Райма, требовалось немало.

Наступила тишина. Взгляды Сакс и Райма встретились. Казалось, она чувствовала, насколько ему хочется взяться за это дело. И данный факт перевешивал чашу весов.

– Что ж, я в вашей команде, – кивнув, сказала Амелия.

– Я тоже, – произнес Райм, однако смотрел он не на Майерса или Лорел, а на Сакс, будто говоря ей безмолвное спасибо.

– И хотя никто меня об этом не спрашивал, – проворчал Селитто, – я тоже охотно пошлю к чертям собственную карьеру, ради того чтобы прижать к ногтю высокопоставленного федерального.

– Полагаю, секретность в приоритете? – спросил Райм.

– Все должно оставаться в тайне, – ответила Лорел. – Иначе улики начнут исчезать. Но вряд ли нам стоит из-за этого беспокоиться. Мы в прокуратуре сделали все возможное, чтобы ничего не просочилось наружу. Я всерьез сомневаюсь, что НРОС вообще что-либо знает о расследовании.

Глава 6

Ведя арендованную машину в сторону кораллового рифа на юго-западном побережье острова Нью-Провиденс, возле огромного национального парка Клифтон, Джейкоб Свонн услышал сигнал уведомления на телефоне. Новое сообщение предупреждало о полицейском расследовании в Нью-Йорке по делу о смерти Роберта Морено, информация касалась обвинений в преступном сговоре. В ближайшие несколько часов Свонн должен был получить подробности, включая имена тех, кто вел следствие.

Они действовали быстро. Намного быстрее, чем он предполагал.

Из багажника, где лежала, свернувшись клубком, неудачливая проститутка Аннет Боудел, послышался глухой удар. Однако звук был негромкий, и вокруг никого, кто мог бы его услышать, – ни бездомных, копающихся в грудах отбросов на обочинах, ни обычных для Багам праздных гуляк, которые потягивали пиво «Сэндс» или «Калик», отпуская шуточки, обмениваясь сплетнями и жалуясь на женщин и начальство.

Ни автомобилей, ни покачивающихся на бирюзовой воде лодок.

«Карибы полны противоречий», – подумал Свонн, озираясь.

С одной стороны – блеск и роскошь для туристов, с другой – унылая серость жизни местных. Все вертелось вокруг одной точки, где доллары и евро обменивались на услуги и развлечения, а большая часть населения чувствовала себя изнуренной до предела – как эта горячая, заросшая сорняками и усыпанная мусором песчаная полоска пляжа.

Выбравшись из машины, он подул в перчатки, остужая вспотевшие руки. Ну и жарница! Он уже был тут на прошлой неделе. После крайне непростого, но точного выстрела, разорвавшего на части сердце изменника Роберта Морено, Свонн приехал сюда и закопал одежду и другие улики. Он намеревался оставить их погребенными здесь навсегда, но, получив странное и тревожное известие, что прокуратура в Нью-Йорке занялась смертью Морено, решил, что лучше будет их забрать и избавиться от всего понадежнее.

Но сначала еще одно дело... еще одна задача.

Подойдя к багажнику, Свонн открыл его и взглянул на страдающую, заплаканную и потную Аннет.

Она пыталась дышать.

Взяв лежавший на заднем сиденье небольшой плоский чемодан, он достал одно из своих сокровищ, любимый поварской нож-тесак «кайсун премьер», длиной примерно в девять дюймов, выкованный по особой технологии цутимэ в японском городе Секи. Стальной сердечник клинка, покрытый дамасской сталью в тридцать два слоя. Рукоять из ореха. Цена – двести пятьдесят долларов. У Свонна были и другие ножи этого производителя – разных форм и размеров для всевозможных вариантов применения на кухне. Но этот тесак Свонн любил, как ребенка. Использовал его для нарезки рыбного филе или прозрачных ломтиков мяса в карпаччо – а также для мотивации людей.

Свонн брал в путешествия этот и другие ножи, в поношенном футляре фирмы «Мессермайстер», вместе с двумя потрепанными поваренными книгами – Джеймса Берда и французского шеф-повара Мишеля Жерара, гурзу *cuisine minceur*². Таможенников мало интересовал набор профессиональных ножей, даже выглядевших столь смертоносно, но упакованных в багаж рядом с парой кулинарных книг. К тому же, когда Свонн работал вдали от дома, ножи весьма его выручали; он часто предпочитал приготовление пищи посиделкам в барах или одиноким походам в кино.

² Низкокалорийное питание (*фр.*). Стиль кулинарии, воссоздающий более легкие версии блюд традиционной «новой кухни».

К примеру, когда на прошлой неделе снял козлятину с костей и нарезал ее кубиками для жаркого.

«Мой маленький мясник, мой милый маленький мясник...»

Послышался очередной глухой удар. Аннет начала бить ногами.

Вернувшись к багажнику, Свонн за волосы вытащил девушку из машины.

– Хнн, хнн, хнн...

Вероятно, это должно было значить «нет, нет, нет».

Найдя углубление в песке, окруженное сорняками, смятыми пивными банками, пустыми бутылками, использованными презервативами и гниющими окурками, он перевернул Аннет на спину и уселся ей на грудь.

Огляделся. Никого. Хотя крики ее должны были звучать тише из-за удара в горло, они все равно были бы слышны.

– Сейчас я задам тебе несколько вопросов, и тебе придется на них ответить, причем быстро. Можешь говорить?

– Хнн...

– Скажи «да».

– Д... д... да.

– Хорошо.

Достав из кармана салфетку, он зажал другой рукой нос Аннет, а когда та открыла рот, захватил салфеткой язык и вытянул его на дюйм изо рта. Она резко дернула головой, но тут же поняла, что боль намного сильнее, чем от зажатого носа.

Она заставила себя успокоиться.

Джейкоб Свонн держал «кайсун», любуясь лезвием и рукояткой. Кухонные принадлежности часто выглядят весьма стильно. Солнечный свет отразился в верхней половине лезвия, мерцая в зарубках, будто в морских волнах. Свонн осторожно провел острием по языку жертвы, оставив темно-розовую полоску, но без крови.

Из ее рта вырвался какой-то звук. Возможно, «пожалуйста».

«Маленький мясник...»

Он вспомнил, как всего несколько недель назад обрабатывал этим же самым ножом утиную грудку, делая три неглубоких надреза, чтобы быстрее вытопился жир.

– Слушай внимательно, – прошептал он, наклоняясь и приближая губы к уху девушки. Ее разгоряченная кожа коснулась его щеки.

Совсем как на прошлой неделе.

Точнее – почти как на прошлой неделе.

Глава 7

Передав эстафетную палочку Райму и команде, капитан Билл Майерс ушел, забрав с собой свой раздражающий жаргон.

Хотя дело о сговоре с целью убийства Морено в некотором отношении выглядело достаточно внушительно, в Нью-Йорке, помимо него, расследовались тысячи других дел, наверняка требовавших внимания капитана и его загадочного спецотдела.

Райм также предположил, что капитану хочется дистанцироваться от происходящего. Майерс поддержал окружного прокурора – в чем не было ничего удивительного, поскольку полиция и прокуратура являлись сиамскими близнецами, – но теперь для него настал момент удалиться в неизвестном направлении. Райм вспомнил о политических амбициях, которые почувствовал ранее. Если он был прав, то Майерс собирался издали наблюдать за развитием событий, а затем в лучах славы вернуться на подиум, когда перед ним в наручниках поведут преступника. Либо, если вся эта история закончится кошмаром для публичного образа полиции, полностью исчезнуть. Что было вполне вероятно.

Райма это не особо волновало. Собственно, он был даже рад, что Майерс ушел. В присутствии любых других поваров на кухне он чувствовал себя неуютно.

Лон Селитто, естественно, остался. Формально являясь ведущим расследование, он сидел в скрипучем ротанговом кресле, размышляя, не взять ли с подноса кекс, хотя уже успел обгрызть половину булочки. Он дважды надавил на живот, будто ища подтверждения, что благодаря новой диете уже сбросил достаточно веса, чтобы заслужить порцию выпечки. Но он ошибался.

– Что известно о начальнике НРОС? – спросил Селитто у Лорел. – О Мецгере?

– Сорок три года, – начала она снова излагать по памяти, не сверяясь с записями. – Разведен. Бывшая жена – частнопрактикующий юрист на Уолл-стрит. Прошел подготовку офицеров резерва в Гарварде. Затем служил в армии в Ираке – начал лейтенантом, закончил капитаном. Говорили о дальнейшем его повышении, но оно не состоялось из-за ряда проблем, о которых я расскажу позже. После ухода в отставку поступил в Йельский университет, где получил степень магистра государственной политики и права. Работал в Госдепартаменте, после чего пять лет назад перешел в НРОС, заняв пост исполнительного директора. Когда в прошлом году тогдашний глава НРОС подал в отставку, его должность получил Мецгер, хотя был одним из самых молодых в руководстве. Ходят слухи, будто ничто не могло помешать ему стать у руля.

– Дети? – спросила Сакс.

– Что? – запнулась Лорел.

– У Мецгера есть дети?

– Думаете, кто-то оказывал на него давление посредством детей, вынуждая браться за сомнительные задачи?

– Нет, – ответила Сакс. – Я просто поинтересовалась, есть ли у него дети.

Удивленно моргнув, Лорел сверилась с записями.

– Сын и дочь. Школьники. Его на год лишили права опеки. Сейчас разрешено с ними видаться, но в основном они с матерью. Вообще, Мецгер еще тот ястреб. Известны его слова от двенадцатого сентября две тысячи первого, что на Афганистан следовало бы сбросить ядерную бомбу. Он открыто заявляет о нашем праве на упреждающую ликвидацию врагов. Его непримиримые противники – американские граждане, уехавшие за границу и участвующие в том, что он считает антиамериканской деятельностью, – например, выступления на стороне мятежников или поддержка террористических группировок. Но это все его личная политика, и для меня она не имеет значения. – Последовала пауза. – Куда важнее, что он психически неустойчив.

– То есть? – спросил Селитто.

Райм начал терять терпение. Ему хотелось заняться криминальной стороной дела. Но поскольку и Сакс, и Селитто подходили к делам «глобально», как мог бы выразиться капитан Майерс, Райм позволил Лорел продолжать, пытаясь делать вид, будто внимательно слушает.

– У него проблемы эмоционального характера, – объяснила Лорел. – Главная причина в том, что он не в состоянии сдерживать гнев. Он ушел из армии в почетную отставку, но в его послужном списке есть несколько эпизодов, помешавших военной карьере, – вспышки ярости, приступы истерики, называйте как хотите. Он полностью терял над собой контроль, из-за чего однажды даже попал в госпиталь. Я сумела раскопать кое-какие сведения – он до сих пор ходит на прием к психиатру и покупает лекарства. Несколько раз его задерживала полиция за насильственные действия, но его ни разу ни в чем не обвинили. Честно говоря, мне кажется, его поведение граничит с паранойей. Он не душевнобольной, но явно страдает навязчивыми идеями и болезненным пристрастием к гневу как таковому. Точнее, к реакции на гнев. Судя по тому, что я изучала по данной теме, облегчение, которое испытывает человек в приступе гнева, является следствием болезненного пристрастия, подобного наркотику. Думаю, приказывая снайперу убить ненавистного человека, он испытывает неподдельный кайф.

Лорел и впрямь глубоко изучила тему. Чем-то она напоминала психиатра, читающего лекцию студентам.

– Как он в таком случае оказался на своей должности? – спросила Сакс.

Вопрос этот в неменьшей степени интересовал и Райма.

– Потому что у него настоящий талант убийцы. По крайней мере, на это указывает его послужной список, – ответила Лорел. – Представить результаты исследования его личности присяжным будет нелегко, но я намереваюсь что-нибудь придумать. И я могу лишь молиться о том, что он станет давать показания. Я была бы просто счастлива, если бы с ним случилась истерика на глазах у присяжных. – Она перевела взгляд с Райма на Сакс. – Мне хотелось бы, чтобы во время расследования вы искали любые свидетельства психической неустойчивости Мецгера, его склонности к гневу и вспыльчивому поведению.

На этот раз пауза предшествовала уже ответу Сакс.

– Все это несколько сомнительно, вам не кажется?

Пауза слегка затянулась.

– Не вполне понимаю, о чем вы.

– Не знаю, какие мы могли бы найти вещественные доказательства, которые свидетельствовали бы о неуравновешенности этого человека.

– Я имела в виду не вещественные доказательства, а расследование как таковое, – сказала зампрокурора, глядя на Сакс снизу, поскольку детектив была на восемь или девять дюймов выше. – В вашем досье есть сведения, что вы хорошо умеете составлять психологические профили и допрашивать свидетелей. Наверняка вы сумеете что-нибудь найти, если постараетесь.

Сакс, прищурившись, слегка наклонила голову. Райма тоже удивило, что зампрокурора интересовалась ее досье – как, вероятно, и его собственным.

Хорошо подготовилась...

– Ладно, – внезапно бросила Лорел.

Вопрос решен, и они станут искать признаки психической неустойчивости. Все ясно.

Из-за угла появился помощник Райма, неся кофейник со свежим кофе. Криминалист представил его, отметив, что покрытое слоем макияжа лицо Нэнс Лорел слегка дрогнуло при виде Тома. В ее взгляде возник несомненный интерес, хотя, несмотря на все свое обаяние и привлекательность, Том Рестон вряд ли мог стать кандидатом на романтические отношения для этой женщины, не носившей кольца на безымянном пальце. Но мгновение спустя Райм пришел к выводу, что причиной ее реакции стала не внешность помощника, а тот факт, что он напомнил ей кого-то знакомого.

Наконец отведя взгляд от молодого человека, Лорел отказалась от кофе, будто это нарушало некие этические принципы ее работы, и начала рыться в портфеле, внутри которого царил образцовый порядок. Папки были помечены цветовыми кодами, два погруженных в сон ноутбука помигивали оранжевыми огоньками.

Лорел извлекла нужный документ.

– Хотите увидеть приказ о ликвидации? – спросила она, поднимая взгляд.

Кто бы отказался?

Глава 8

– Естественно, его так не называют, – заверила Нэнс Лорел. – Это сокращение. Официальное название – «ордер на специальное задание».

– Звучит еще хуже, – заметил Лон Селитто. – Почти стерильно. Аж мороз по коже. Райм был с ним согласен.

Лорел протянула Сакс три листа бумаги:

– Не могли бы вы прикрепить их на доску, чтобы мы все видели?

Сакс поколебалась, но выполнила просьбу заместителя окружного прокурора.

Лорел постучала по первому листу:

– Это электронное письмо пришло в наш офис в прошлый четверг, одиннадцатого мая.

Проверьте новости насчет Роберта Морено. Прилагаю ордер, который за ними стоит. Уровень два – нынешний глава НРОС. Это его идея. Морено был гражданином США. СП означает «сопутствующие потери». Кодовое имя убийцы – Дон Брунс.

Некто с совестью

– Попробуем отследить письмо, – сказал Райм. – Через Родни.

Он взглянул на Сакс, и та, кивнув, объяснила Лорел, что они часто работают с отделом по борьбе с киберпреступностью Управления полиции Нью-Йорка.

– Я отправлю им запрос. У вас есть это письмо в цифровом виде?

Лорел достала из портфеля пластиковый пакет с флешкой. Райм одобрительно отметил про себя, что к нему прикреплена стандартная регистрационная карточка для вещественных доказательств.

– Если вас не затруднит... – протянула зампрокурора карточку Сакс.

Детектив написала свое имя, вставила флешку в компьютер и начала печатать.

– Предупредите их, что секретность в приоритете.

– В первом же абзаце, – ответила Сакс, не поднимая взгляда, и мгновение спустя отправила запрос в отдел по борьбе с киберпреступностью.

– Кажется, мне знакомо это кодовое имя, – проговорил Селитто. – Брунс, Брунс...

– Возможно, снайперу нравится музыка в стиле фолк, кантри-вестерн, – заметила Сакс. – Есть такой автор-исполнитель Дон Брунс. Весьма неплохой.

Лорел наклонила голову с важным видом, будто никогда не слушала никакой музыки, не говоря уже о столь живой, как кантри-вестерн.

– Проверь в информационной службе, – сказал Райм. – Пусть поищут этого Брунса в базах данных. Если он под неофициальным прикрытием, возможно, все еще присутствует в реальном мире.

Неофициальные агенты, несмотря на работу под прикрытием, имели паспорта и кредитные карты, по которым можно было отследить их передвижения и получить сведения об истинной личности. Информационная служба Управления полиции Нью-Йорка – новое подразделение, занимавшееся исследованием и обработкой данных, – была одной из лучших в стране.

Пока Сакс вводила запрос, Лорел снова повернулась к доске и постучала по второму закрепленному на ней листу бумаги:

– А вот и сам ордер.

**РЕТНО – СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
– СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО – СОВЕ**

Ордера на специальные задания

Очередь

8/27

Объект: Роберт А. Морено (код НРОС: ram278e4w5)

Родился: 4/75, Нью-Джерси

Завершить к: 8/5–9/5

Одобрено:

Уровень два: да

Уровень один: да

Сопроводительная документация: см. «А»

Требуется подтверждение: да

Требуется PIN: да

СП: допустимы по минимуму

Подробности:

Назначенный специалист: Дон Брунс, «комната смерти», «Саут-Коув
инн», Багамы, апартаменты 1200

Статус: закрыто

9/27

Объект: аль-Барани Рашид (код НРОС: abr942pd5t)

Родился: 2/73, Мичиган

Завершить к: 19/5

Одобрено:

Уровень два: да

Уровень один: да

Сопроводительная документация: не требуется

Требуется подтверждение: нет

Требуется PIN: да

СП: допустимы по минимуму

Подробности: последуют позже

Статус: в процессе

Второй документ на доске имел заголовок «А». В нем содержалась информация, о которой Нэнс Лорел уже упоминала, – дополнительные данные о поставках удобрений, дизельного топлива и химикалий на Багамы. Поставки были из никарагуанского города Коринто и венесуэльского Каракаса.

Лорел кивнула на все еще вставленную в компьютер флешку:

– Информатор также прислал звуковой файл с записью телефонного разговора или радиообмена со снайпером. Вторая сторона – судя по всему, его начальник. Это было перед самым убийством.

Она выжидающе взглянула на Сакс, которая, помедлив, снова села за компьютер и нажала несколько клавиш.

Мгновение спустя из динамиков послышался короткий обмен репликами:

– Похоже, в помещении двое... нет, трое.

– Можете точно опознать Морено?

– Там... отблеск от стекла. Вот теперь лучше. Да, я могу опознать объект. Я его вижу.

На этом разговор закончился. Райм собирался попросить Сакс провести спектральный анализ голоса, но она уже это проделала.

– Это не доказывает, что он в самом деле нажал на спуск, но он точно там присутствовал. Все, что нам теперь нужно, – найти обладателя голоса.

– «Специалисты», – проговорила Лорел. – Видимо, это официальное название для наемных убийц.

– А что это за код НРОС? – спросил Селитто.

– Вероятно, чтобы удостовериться, что речь идет именно о том Р. А. Морено. Было бы весьма неприятно совершить такую ошибку. – Райм прочитал текст сообщения. – Интересно, что информатор не назвал нам имени стрелявшего.

– Возможно, оно ему неизвестно, – сказал Селитто.

– Зато, кажется, ему известно все остальное, – заметила Сакс. – Его совесть простирается лишь до определенных пределов. Он готов выдать главу организации, но сочувствует парню, которому поручили это задание.

– Согласна, – кивнула Лорел. – Информатор наверняка знает имя. Мне он тоже нужен – не для того, чтобы предъявить ему обвинение, просто для информации. Только он может привести нас к снайперу, а без снайпера нет ни преступного сговора, ни дела как такового.

– Но даже если мы его найдем, – заметила Сакс, – вряд ли он добровольно нам все расскажет. Иначе он уже бы это сделал.

– Добудьте мне этого информатора, – рассеянно произнесла Лорел, – и он заговорит. Точно заговорит.

– Есть мысли насчет того, чтобы обвинить Мецгера в других смертях, охранника и репортера? – спросила Сакс.

– Нет, поскольку в ордере на убийство был поименован только Морено, а они стали сопутствующими потерями, лишние проблемы из-за которых нам вовсе ни к чему.

Сакс мрачно усмехнулась, будто говоря: «Хотя они точно так же мертвы, как и цель снайпера. Но ведь нельзя же чересчур смущать драгоценную коллегия присяжных?»

– Изложите подробности самого убийства, – сказал Райм.

– Нам известно крайне мало. Багамская полиция представила предварительный отчет, а потом ее будто отрезало. Там не отвечают на звонки. Мы знаем, что Морено, когда его застрелили, находился в своем люксе. – Она показала на распечатку ордера. – Апартаменты под номером тысяча двести, названные здесь «комнатой смерти». Снайпер стрелял с мыса примерно в двух тысячах ярдов от отеля.

– Чертовски удачный выстрел, – заметила Сакс, подняв брови.

Будучи метким стрелком, она регулярно участвовала в соревнованиях, ставя рекорды в Управлении полиции Нью-Йорка и на частных состязаниях, хотя предпочитала винтовкам пистолеты.

– Мы называем это пулей на миллион долларов, – пояснила она. – Рекорд для снайпера составляет около двух с половиной тысяч ярдов. Кем бы ни был этот стрелок, он весьма опытен.

– Что ж, для нас это хорошая новость, – продолжила Лорел. – Сужает круг подозреваемых.

«Что верно, то верно», – подумал Райм.

– А что еще у нас есть?

– Ничего.

И это все? Какие-то электронные письма, утекший правительственный документ, имя одного из заговорщиков... Но при этом полностью отсутствовало то, в чем Райм больше всего нуждался: улики.

Эксперту по расследованию преступлений требовались факты. А их у него не было.

Глава 9

Шрив Мецгер неподвижно сидел за рабочим столом в Нижнем Манхэттене. Полоска утреннего света, отраженного от ближайшего небоскреба, падала на его руку и грудь.

Глядя на реку Гудзон, он вспоминал вчерашний кошмар, связанный с шифровкой, полученной от отдела наблюдения и изучения данных НРОС. Данное подразделение вряд ли в чем-то превосходило аналогичные отделы ЦРУ или Агентства национальной безопасности, деятельность которых была столь заметна. Однако его в меньшей степени связывали ограничения акта о негласном наблюдении в целях внешней разведки и ему подобных. Это, в свою очередь, означало, что поступавшая оттуда информация отличалась отменным качеством.

Вчера, ранним воскресным вечером, Мецгер был на важном футбольном матче, в котором играла его дочь – против «Росомах», непростого соперника. Он ни за что не покинул бы свое место на трибунах, прямо напротив центра поля. Когда дело касалось детей, он старался вести себя осторожно. Жизнь многому его научила.

Но когда он надел очки в легкой оправе, предварительно протерев стекла, и прочитал сперва сбивающие с толку, затем тревожные и, наконец, сокрушительные слова, его быстро и неумолимо окутал Дым, походивший скорее на гель, чем на пар. Задыхаясь, он почувствовал, как его бьет дрожь, скрежещут зубы, сжимаются кулаки, замирает сердце.

«Я справлюсь, – раз за разом повторял Мецгер. – Это часть моей работы. Я всегда понимал, что рискую и кто-нибудь может об этом узнать. Дым не определяет твою сущность, – напомнил он себе. – Он не часть тебя. Его можно заставить рассеяться, стоит только захотеть. Но нужно захотеть по-настоящему. И тогда тебя отпустит».

Он слегка успокоился, постукивая пальцами по острому колену в костюмных брюках (другие папаши были в джинсах, но он не успел переодеться после работы). Ростом пять футов десять и три четверти дюйма, Мецгер весил около полутора сотен фунтов. Будучи в юности толстяком, он сбросил лишний вес и не позволял ему вернуться. Редеющие каштановые волосы выглядели слегка длинноватыми для правительственного чиновника, но ему так нравилось, и он не собирался ничего менять.

Вчера, когда он убрал телефон, двенадцатилетняя полузащитница повернулась в сторону его сектора на трибунах и улыбнулась. Мецгер улыбнулся в ответ, но его улыбка вышла фальшивой, и, возможно, Кэти это поняла. Он пожалел, что здесь не продают скотч. На стадиончике в Бронксвилле, штат Нью-Йорк, самым крепким напитком в меню был кофе, но и ванильное и шоколадное печенье от родительского комитета школы имени Вудро Вильсона тоже способно было вызвать своего рода кайф.

В любом случае спиртное не могло победить Дым.

«Доктор Фишер, я вам верю», – подумал Мецгер.

Вернувшись вчера вечером к себе в кабинет, он попытался осмыслить новости. Некий воинственный заместитель окружного прокурора в Манхэттене вознамерился завести на него дело из-за смерти Морено. Будучи сам юристом, Мецгер предположил вероятные обвинения и понял, что самым крупным и тяжким из них может стать преступный сговор.

И еще больше потрясло его то, что в окружной прокуратуре узнали о смерти Морено из-за утечки ордера на спецзадание.

Проклятый информатор!

Изменник предал самого Мецгера, НРОС и, что хуже всего, государство.

Мецгер почувствовал, как его снова окутывает Дым. Перед глазами возникла картина, как он забивает прокурора, кем бы тот ни был, насмерть лопатой – никогда не знаешь, какой облик примет ярость. И эта фантазия, особо кровавая и с жуткими звуковыми эффектами, приносила ему внутреннее наслаждение своей живостью и насыщенностью красок.

Наконец, успокоившись, Мецгер принялся за работу. Он звонил и рассылал сообщения, заключенные в кокон безукоризненного шифра, делая все возможное, чтобы устранить возникшую проблему.

Сегодня, в понедельник утром, он отвернулся от реки и потянулся, чувствуя себя относительно работоспособным после четырех в сумме часов сна (весьма плохого, поскольку усталость придавала Дыму сил) и принятого в спортзале НРОС душа. Сидя в кабинете, размером двадцать на двадцать футов, всю обстановку которого составляли сейфы, шкафы, компьютеры, несколько фотографий, книги и карты, Мецгер прихлебывал кофе с молоком. Своей секретарше Рут он купил такое же, но с соевым молоком. Возможно, подумал он, стоит тоже попробовать. Она утверждала, что такой напиток расслабляет.

Он взглянул на фотографию в рамке, изображавшую его вместе с детьми втроем на каникулах в Северной Каролине. Вспомнилась поездка в Буне верхом, после которой служитель туристической конюшни, одетый в ковбойский костюм, сделал этот снимок. Мецгер тогда заметил у него фотоаппарат «никон» – той же компании, которая производила снайперские оптические прицелы. В памяти всплыл эпизод, как его человек выстрелил снайперским патроном «лапуа магнум» с расстояния тысяча восемьсот шестьдесят ярдов в плечо иракца, собиравшего взорвать самодельную бомбу. Все выглядело совсем не как в кино – подобная пуля убивает независимо от того, куда попадет, в плечо, в ногу, куда угодно. Мятежник разлетелся на куски и рухнул на песок, а Шрив Мецгер умиротворенно и радостно выдохнул.

«Улыбнитесь, мистер Мецгер. У вас чудесные дети. Хотите три фото восемь на десять и дюжину фотографий для бумажника?»

Когда он планировал смертный приговор изменнику и приводил его в исполнение, внутри его не было Дыма. Вообще. Он рассказал об этом доктору Фишеру. Психиатру стало несколько не по себе, и они прервали дальнейшее развитие темы...

Мецгер посмотрел на компьютер и на свой магический телефон.

Взгляд бледных, с желто-зеленым болезненным оттенком глаз снова упал на реку Гудзон за окном. Этим видом Мецгер был обязан горстке помешанных придурков, которые одним ясным сентябрьским днем стерли с лица земли здания, закрывавшие обзор. И именно они, к несчастью для своих оставшихся в живых соотечественников, подтолкнули Мецгера к тому, чтобы сменить профессию.

Стоило об этом подумать, как снова собрался Дым, что часто случалось, когда в памяти возникали события одиннадцатого сентября. Когда-то эти воспоминания лишали его сил, теперь же просто отзывались жгучей болью.

«Отпусти...»

Зазвонил телефон. Мецгер взглянул на имя абонента, которое можно было перевести как «тебе крышка».

– Мецгер слушает.

– Шрив! – радостно выпалил звонивший. – Как дела? Мы целую вечность не болтали.

Мецгер не любил волшебника из страны Оз. В смысле – самого волшебника как персонажа (фильм ему скорее нравился). Тот был скрытен и склонен к манипуляциям, отличался непостоянством и занял трон хитростью... и тем не менее обладал в стране всей властью.

Почти так же, как тот, с кем он сейчас говорил.

– Ты не звонил мне, Шрив, – упрекнул его Волшебник.

– Все еще выясняю факты, – ответил он собеседнику, который находился в двухстах пятидесяти милях южнее, в Вашингтоне. – Мы слишком много не знаем.

На самом деле это ни о чем не говорило, но он не был осведомлен, что именно известно Волшебнику. Соответственно, однозначных ответов приходилось избегать.

– Как я понимаю, данные о Морено оказались халтурой? Верно, Шрив?

– Похоже на то.

– Бывает, – заметил Волшебник. – В нашем чокнутом бизнесе уж точно. Значит, ваша разведка все проверила дважды и трижды...

«Ваша...»

Выбор местоимения не ускользнул от внимания Мецгера.

– Само собой.

Волшебник не стал напоминать, что Мецгер заверял его, будто смерть Морено необходима для спасения жизней, поскольку тот намеревался взорвать штаб-квартиру «Американ петролеум» в Майами. На самом же деле худшее, что случилось, – какая-то женщина из числа протестующих швырнула помидором в полицейского и промахнулась.

Но разговоры с Волшебником в основном основывались на подтексте, что лишь подчеркивали его слова – или отсутствие таковых.

Мецгер работал с ним уже несколько лет. Лично они встречались нечасто, но, когда это все же происходило, его коренастый улыбчивый собеседник всегда был одет в синий костюм из саржи и носки с выразительным узором, а в петлицу был вставлен значок в виде американского флага. У него никогда не бывало проблем с Дымом, как у Мецгера, и голос его вечно звучал на удивление спокойно.

– Нам пришлось действовать быстро, – сказал Мецгер, недовольный тем, что ему приходится защищаться. – Но нам известно, что Морено опасен. Он финансирует террористов, поддерживает торговлю оружием, занимается отмыванием денег и прочее.

«Морено был опасен», – мысленно поправился Мецгер. Его застрелили, и в настоящем времени он больше не существовал.

– Иногда тебе, Шрив, и впрямь приходится действовать быстро, – сказал своим медоточивым голосом Волшебник из Вашингтона. – Паршивый бизнес.

Взяв щипчики, Мецгер принялся медленно подрезать ногти. Это занятие помогало ему удерживать Дым в некотором отдалении. Пусть оно и выглядело странно, но все лучше, чем обжираться картошкой фри и печеньем. И орать на жену и детей.

Волшебник прикрыл телефон и обменялся парой фраз с кем-то рядом.

«Кто там с ним? – подумал Мецгер. – Генеральный прокурор? Или кто-то с Пенсильвания-авеню?»

– И как мы слышали, ведется некое расследование? – спросил Волшебник, возвращаясь к прерванному разговору.

Проклятье! Он знал. Откуда?

«Утечки для меня не меньшая угроза, чем сами террористы», – подумал Мецгер, чувствуя, как подступает густое облако Дыма.

– Возможно.

Последовала пауза, явно содержащая в себе вопрос: «И когда же ты собирался нам об этом сообщить, Шрив?»

Вслух, однако, Волшебник лишь спросил:

– Полиция?

– Да, нью-йоркское управление. Не федералы. Но есть все основания для того, чтобы сослаться на неприкосновенность.

Хотя его юридический диплом уже много лет покрывался пылью, Мецгер, прежде чем занять нынешний пост, тщательно изучил материалы дела Нигла и подобных ему. Заключение по этому делу он мог процитировать даже во сне: федеральные служащие не подлежат преследованию за преступления по законам штата при условии, что они действовали в пределах своих полномочий.

– Ну конечно же, неприкосновенность, – сказал Волшебник. – Естественно, мы исследовали этот вопрос.

Уже? Впрочем, Мецгер не особо удивился.

Последовала тягучая пауза.

– Шрив, ты рад, что все происходило в пределах полномочий?

– Да.

«Господи, прошу тебя, дай мне удержать в себе Дым».

– Отлично. Кто там был специалистом – Брунс?

По телефону не было принято сообщать имена, как реальные, так и кодовые, сколь бы хорошо ни был зашифрован разговор.

– Да.

– Полиция с ним говорила?

– Нет. Он глубоко законспирирован. Никто не сможет его найти.

– Вряд ли мне стоит напоминать, что ему следует вести себя осторожнее?

– Он предпринимает все необходимые меры. Как и остальные.

Снова пауза.

– Что ж, по данному вопросу говорить больше не о чем. Поручаю тебе им заняться.

– Займусь.

– Хорошо, поскольку выясняется, что в Комитете по разведке начались дискуссии на тему бюджета. Внезапно. Не пойму, с чего бы. Ничего не планировалось, но ты же знаешь эти комитеты. Им приходится следить, куда уходят деньги. Я просто хотел тебя предупредить, что по какой-то причине – если честно, меня от этого бросает в дрожь – они взяли на прицел НРОС.

Мецгер ошеломленно молчал, хотя Дым так и не появился.

– Какая-то чушь, – как ни в чем не бывало продолжил Волшебник. – Сам знаешь, сколько мы приложили труда, чтобы организовать твою контору. Некоторых это весьма беспокоило. – Послышался лишенный какого бы то ни было веселья смешок. – Нашим либеральным друзьям совсем не по душе то, чем вы занимаетесь. А кое-кому из наших друзей с другой стороны не понравилось, что ты отбираешь работу у Лэнгли и Пентагона. Молот и наковальня. Так или иначе, вряд ли из этих дискуссий что-либо выйдет. И почему все всегда сводится исключительно к деньгам? Ладно... Как дела у Кэти и Сета?

– Все в полном порядке. Спасибо, что спросил.

– Рад слышать. Мне пора, Шрив.

Связь разъединилась.

О господи...

Плохо дело.

Суть слов веселого Волшебника в саржевом костюме, броских носках и с острым как бритва взглядом темных глаз сводилась к следующему: «Вы ликвидировали гражданина США на основе ошибочных данных, и если дело попадет в суд штата, оно бросит тень на всю страну Оз. Многие в столице будут пристально следить за Нью-Йорком и исходом дела Морено. Они полностью готовы послать против НРОС собственного снайпера – естественно, в фигуральном смысле, в виде урезанного бюджета. Через полгода служба перестанет существовать».

И вся эта история прошла бы незаметно, если бы не тот информатор.

Предатель.

Ослепленный Дымом Мецгер вызвал секретаршу и снова взял чашку кофе.

«Ваша разведка все проверила дважды и трижды...»

Кстати, насчет этого...

«Обдумай ситуацию, – велел себе Мецгер. – Ты куда-то звонил, отправлял сообщения».

Зачистка уже шла полным ходом.

– Все в порядке, Шрив? – спросила Рут, устремив взгляд на его пальцы, сжимавшие картонный стаканчик.

Мецгер понял, что еще немного – и тот будет раздавлен, а тепловатый кофе польется по рукаву на документы, с которыми имели право ознакомиться лишь десяток человек во всей Америке.

Он ослабил мертвую хватку и попытался улыбнуться:

– Да, конечно. Слишком долгая была ночь.

Секретарше было шестьдесят с небольшим, но привлекательное, до сих пор испещренное едва заметными веснушками лицо делало ее моложе. В свое время Мецгер выяснил, что десятилетия назад она принадлежала к числу «детей-цветов». «Лето любви» в Сан-Франциско, жизнь в районе Хейт-Эшбери... Ее седые волосы, по обыкновению, были уложены в плотный узел, а на запястьях она носила цветные силиконовые браслеты, символизирующие поддержку различных акций – борьбы с раком груди, за мир и надежду, и кто знает, что еще. Он предпочел бы, чтобы у нее их не было. Подобные знаки, пусть и двусмысленные, выглядели неуместно в правительственном агентстве с такими задачами, как у НРОС.

– Спенсер еще не пришел? – спросил Мецгер.

– Он сказал, что будет примерно через полчаса.

– Пусть сразу зайдет ко мне, как только появится.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Когда Рут вышла из кабинета и закрыла дверь, оставив после себя запах масла пачули, Мецгер отправил еще несколько сообщений и кое-какие получил.

Одно из них внушало оптимизм.

По крайней мере, оно слегка рассеяло Дым.

Глава 10

Райм заметил, что Нэнс Лорел внимательно разглядывает свое тусклое отражение в металлическом кожухе газового хроматографа, не проявляя при этом какой-либо реакции. На заботящуюся о внешности женщину она не походила.

– Как предлагаете действовать? – спросила она, поворачиваясь к Селитто и Райму, который уже успел мысленно разложить все дело по полочкам.

– Постараюсь провести как можно более тщательный криминалистический анализ, – ответил он. – Сакс и Лон выяснят все возможное о НРОС, Мецгере и другом соучастнике – снайпере. Сакс, начиная составлять таблицу. Добавь список действующих лиц, пусть даже пока нам мало что известно.

Взяв маркер, она подошла к пустой доске и набросала скудные сведения.

– Мне хотелось бы также отследить того информатора, – сказал Селитто. – Возможно, это будет непросто. Он знает, что рискует. Все-таки он обвиняет правительство в совершении убийства, а не просто сообщил прессе, что некая компания кладет гнилой овес в хлопья для завтрака. Амелия, что у тебя?

– Я послала Родни информацию об электронном письме и ордере на спецзадание, – ответила Сакс. – Буду координировать свои действия с ним и отделом по борьбе с киберпреступностью. Если кто-то и сумеет отследить анонимную загрузку, так это он. – Сакс на мгновение задумалась. – Давайте еще позвоним Фреду.

– Хорошо, – после короткого размышления ответил Райм.

– Кто это? – спросила Лорел.

– Фред Деллрей. ФБР.

– Нет, – резко заявила Лорел. – Никаких федералов.

– Почему? – не понял Селитто.

– Есть вероятность, что об этом узнает НРОС. Вряд ли нам стоит рисковать.

– Фред специализируется на работе под прикрытием, – возразила Сакс. – Если мы скажем, что дело требует сохранения тайны, именно так он и будет действовать. Нам нужна помощь, а у него имеется доступ к намного большему объему сведений, чем есть в Национальном центре криминальной информации и базах данных штата.

Лорел явно сомневалась. На ее круглом бледном лице – в каком-то смысле даже симпатичном, как у сельской девушки, – отразилась едва заметная перемена. Озабоченность? Неприязнь? Вызов? Выражение ее лица напоминало буквы иврита или арабского письма, в котором на радикально иное значение намекали лишь крошечные диакритические знаки.

– Мы объясним ему, насколько все секретно, – настойчиво сказала Сакс, бросив взгляд на Лорел. – Он поймет.

Прежде чем Лорел успела что-то ответить, Амелия включила громкую связь на стоявшем рядом телефоне. Райм увидел, как напряглась зампрокурора, и ему показалось, что сейчас она шагнет вперед и нажмет отбой.

Раздался глухой сигнал вызова.

– Деллрей слушает, – ответил агент.

Судя по приглушенному голосу, он мог сейчас работать под прикрытием где-нибудь в Трентоне или Гарлеме и ему не хотелось привлекать к себе внимания.

– Фред, это Амелия.

– Привет, привет! Как дела? Давно не общались. Надеюсь, мне ничто не угрожает, а то я тут говорю спокойно по телефону, но с твоей стороны, возможно, меня слышно на Медисон-сквер-гарден. Терпеть не могу громкую связь.

– Все в порядке, Фред. Здесь только я, Лон, Линкольн...

– Привет, Линкольн. Не забыл, что ты проиграл тот спор насчет Хайдеггера? Я ежедневно заглядываю в почтовый ящик, но до вчерашнего дня так и не получил от тебя чек. Жду выплаты на имя Фреда «крутого философа» Деллрея.

– Знаю, знаю, – проворчал Райм. – Расплачусь.

– Ты мне должен полтинник.

– Вообще-то, часть этой суммы причитается с Лона, – сказал Райм. – Это он меня подбил.

– Ну уж нет! – бросил детектив.

Нэнс Лорел ошеломленно слушала их обмен репликами. Склонность к добродушному подшучиванию явно не входила в перечень ее выдающихся качеств.

А может, она просто злилась, что Сакс пренебрегла ее возражениями и позвонила агенту ФБР.

– И еще заместитель окружного прокурора Нэнс Лорел, – продолжила Сакс.

– Сегодня и впрямь особенный день. Приветствую, советник Лорел. Тот приговор в отношении докеров – отличная работа. Это ведь ваших рук дело?

Последовала пауза.

– Да, агент Деллрей.

– Никогда бы не подумал, что у вас получится. Знаешь историю, Линкольн? Дело Джои Бэроуна, Южный округ? У нас имелось несколько обвинений по федеральным статьям против этого парня, но присяжные обошлись с ним мягко. Зато советник Лорел бросилась на амбразуру в суде штата, и парень заработал самое меньшее двадцать лет. Я слышал, генеральный прокурор США повесил вашу фотографию у себя в кабинете... на доске для игры в дарты.

– Ничего об этом не знаю, – коротко ответила она. – Но результат меня порадовал.

– Ладно, продолжай.

– Фред, у нас тут дело, – сказала Сакс. – Секретное.

– Тон твоего голоса настолько интригует, что не терпится услышать, какое именно.

Райм заметил на лице Сакс быструю улыбку. Фред Деллрей был одним из лучших агентов бюро, специалистом по организации сетей информаторов, примерным семьянином и отцом... а также философом-любителем. Но годы работы агентом под прикрытием на улице наложили на него свой отпечаток, отразившийся в числе прочего в своеобразном языке и манере одеваться.

– Преступник – твой босс, из федерального агентства.

– Гм...

Последовала пауза.

Сакс взглянула на Лорел, которая, поколебавшись, включилась в разговор, вновь перечислив известные на данный момент факты об убийстве Морено.

Обычно Фред Деллрей умел ждать со стоическим спокойствием, но на этот раз Райм почувствовал в его голосе необычную тревогу.

– НРОС? На самом деле они к нам не относятся. Живут в собственном измерении. Что вовсе не обязательно хорошо.

Распространяться он не стал, хотя Райм сомневался, что в том есть необходимость.

– Сейчас кое-что проверю.

В динамике послышался стук клавиш, похожий на звук падающей на стол ореховой скорлупы.

– Агент Деллрей... – начала Лорел.

– Зовите меня Фред. И не беспокойтесь. У меня тут все как следует зашифровано.

Она удивленно моргнула:

– Спасибо.

– Я просто просматриваю досье... так... – Долгая пауза. – Роберт Морено, он же Роберто. Да, есть кое-какие заметки насчет «Американ петролеум»... Нашу контору в Майами подняли

по тревоге из-за предполагаемого теракта, но тревога оказалась ложной. Хотите знать, что у меня тут есть по этому Морено?

– Да, Фред, пожалуйста. – Сакс села за компьютер и открыла файл.

– Ладно... наш паренек покинул страну двадцать с лишним лет назад и возвращается лишь раз в год или около того. Вернее, возвращался. Посмотрим... Находился под наблюдением, но никогда не рассматривался как активная угроза. В основном у него все сводилось к разговорам, так что приоритетом он для нас не являлся. Водил шашни кое с кем из «Аль-Каиды» и «Сияющего пути», но к терактам никогда не призывал. – Агент что-то пробормотал себе под нос и добавил: – Тут говорится, что официально к убийству могут быть причастны некие преступные картели. Но проверить это невозможно... Ага, вот.

Пауза.

– Фред, ты там? – нетерпеливо спросил Райм.

– Угу.

Райм вздохнул.

– Может пригодиться, – сказал Деллрей. – Сведения из Госдепартамента. Морено был здесь. В Нью-Йорке. Прилетел вечером тридцатого апреля, улетел второго мая.

– Есть что-нибудь конкретное насчет того, что он тут делал, куда ходил? – спросил Лон Селитто.

– Ничего. Это уже ваша работа, друзья мои. А я займусь со своего конца. Сделаю несколько звонков приятелям на Карибах и в Южной Америке. О, тут есть фото. Хотите?

– Нет, – внезапно сказала Лорел. – Нужно свести к минимуму любые контакты с вашей конторой. Я бы предпочла, чтобы вы звонили непосредственно мне, детективам Селитто и Сакс или Линкольну Райму. Осторожность...

– Превыше всего, – закончил Деллрей. – Никаких проблем. Но все же затрону еще раз эту тему: вы точно знаете, что нашим друзьям пока ничего не известно? В НРОС?

– Да, – ответила зампрокурора.

– Гм...

– Что-то в твоем голосе не слышно уверенности, – заметил Райм.

– Удачи всем, – усмехнулся агент.

Сакс отключила телефон.

– Где я смогу работать? – спросила Лорел.

– В смысле? – удивилась Сакс.

Заместитель окружного прокурора огляделась по сторонам и заявила:

– Мне нужен стол. Необязательно письменный. Просто побольше.

– Вы хотите остаться здесь?

– Не могу же я работать из своего кабинета, – заявила Лорел, будто речь шла о чем-то очевидном. – Утечки. НРОС рано или поздно выяснит, что мы ведем расследование, но мне хотелось бы, чтобы это случилось как можно позже. Вон тот стол вполне подойдет. Я могу там расположиться?

Лорел показала на рабочий стол в углу. Райм позвал Тома и велел освободить его, убрав книги и коробки от старой аппаратуры.

– Компьютеры у меня есть, но мне также понадобится собственная линия и беспроводной маршрутизатор. Нужно будет создать отдельную зашифрованную учетную запись. И я предпочла бы ни с кем не делить сеть. – Она бросила взгляд на Райма. – Если возможно.

Сакс явно не пришла по душе идея о новом члене команды. Линкольн Райм был по природе одиночкой, но во время работы над очередным делом терпимо относился к присутствию посторонних, хотя это его нисколько не радовало. Возражать он не стал.

Водрузив портфель и увесистую сумку на стол, Нэнс Лорел начала выгружать папки, раскладывая их в отдельные стопки. Она походила на только что въехавшую в общежитие студентку-первокурсницу, поудобнее размещающую на столе и тумбочке свои скромные пожитки.

Затем Лорел повернулась к остальным:

– Да, и еще одно: мне нужно, чтобы в процессе расследования вы искали все возможное, что позволяло бы ему выглядеть святым.

– Прошу прощения? – переспросила Сакс.

– Все свидетельства того, что Роберт Морено – святой. Он произносил немало подстрекательских речей, резко критиковал страну. И потому мне нужно, чтобы вы нашли подтверждения его добрых поступков. Таких, к примеру, как создание «Движения за полномочия местных». Строительство школ, продовольствие для детей из стран третьего мира, все такое прочее. И то, каким он был любящим отцом и мужем.

– Вы в самом деле от нас этого хотите? – недоверчиво поинтересовалась Сакс, не сумев скрыть раздраженные нотки в голосе.

– Именно так.

– Зачем?

– Просто так будет лучше, – сказала Лорел, словно речь шла о чем-то очевидном.

– Гм... – Сакс помедлила. – Это на самом деле не ответ.

На Райма она не смотрела, впрочем ему этого и не хотелось. Напряженность между ней и зампрокурора прекрасно росла сама по себе.

– Дело снова в присяжных. – Лорел бросила взгляд на Райма, который явно поддерживал ее доводы. – Мне нужно показать, что он был честным человеком, совершавшим этичные поступки. Защита будет изображать Морено как опасную угрозу. Примерно так же адвокаты стараются представить присяжным жертву изнасилования в виде вызывающе одетой женщины, пытавшейся флиртовать с нападавшим.

– Между этими двумя сценариями есть большая разница, – сказала Сакс.

– В самом деле? Не уверена.

– Разве смысл расследования не в том, чтобы добраться до истины?

Потребовалась пауза, чтобы переварить ее слова.

– К чему истина, если не удастся победить в суде? – возразила Лорел и внезапно, будто сочтя вопрос для себя решенным, обратилась ко всем: – Нам нужно действовать быстро. Очень быстро.

– Согласен, – кивнул Селитто. – НРОС может узнать о нашем расследовании в любой момент. И улики начнут исчезать.

– Вне всякого сомнения, – сказала Лорел. – Но я не об этом. Взгляните сюда, на ордер на убийство.

Присутствующие, включая Райма, посмотрели на доску. Он не мог прийти ни к какому выводу, но внезапно понял:

– Очередь.

– Именно, – кивнула Лорел.

РЕТНО – СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО – СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО – СОВЕ

Ордера на специальные задания

Очередь

8/27

Объект: Роберт А. Морено (код НРОС: ram278e4w5)

Родился: 4/75, Нью-Джерси
Завершить к: 8/5–9/5
Одобрено:
Уровень два: да
Уровень один: да
Сопроводительная документация: см. «А»
Требуется подтверждение: да
Требуется PIN: да
СП: допустимы по минимуму
Подробности:
Назначенный специалист: Дон Брунс, «комната смерти», «Саут-Коув
инн», Багамы, апартаменты 1200
Статус: закрыто
9/27
Объект: аль-Барани Рашид (код НРОС: abr942pd5t)
Родился: 2/73, Мичиган
Завершить к: 19/5
Одобрено:
Уровень два: да
Уровень один: да
Сопроводительная документация: не требуется
Требуется подтверждение: нет
Требуется PIN: да
СП: допустимы по минимуму
Подробности: последуют позже
Статус: в процессе

– Пока я не сумела ничего выяснить о том, кто такой этот Рашид или где он находится. Возможно, его комната смерти – некая хижина в Йемене, где он торгует деталями для ядерной бомбы. Или, учитывая чрезмерное усердие Мецгера, – гостиная в доме где-нибудь в Риджфилде, штат Коннектикут, откуда Рашид пишет сообщения в блогах, выступая против Гуантанамо и оскорбляя президента. Но нам известно, что НРОС намерена убрать его до пятницы. И кто тогда станет сопутствующими потерями? Его жена и дети? Какой-нибудь прохожий? Хотелось бы, чтобы Мецгер оказался до этого за решеткой.

– Убийства от этого вовсе не обязательно прекратятся, – заметил Райм.

– Да, но в НРОС и Вашингтоне поймут, что кто-то внимательно следит за их замыслами. Возможно, они отложат операцию и поручат кому-нибудь независимому изучить ордер на спецзадание с целью определения его законности. Но пока власть в руках Мецгера, этого не случится.

В качестве завершающего аргумента Лорел подошла к доске и театральным жестом постучала по ордеру на убийство:

– И еще эти цифры наверху – восемь дробь двадцать семь, девять дробь двадцать семь. Это не даты – это задания в очереди. В списке жертв. Морено был восьмым, кого убила НРОС. Рашиду предстоит стать девятым.

– Всего двадцать семь, – сказал Селитто.

– По состоянию на неделю назад, – уточнила Лорел. – Кто знает, сколько их сегодня?

Глава 11

На пороге кабинета Шрива Мецгера, подобно хладнокровному терпеливому призраку, возник силуэт.

– Приветствую, Спенсер.

Административный директор НРОС – правая рука Мецгера в штаб-квартире организации – наслаждался свежестью голубого неба и тишиной озерного побережья в штате Мэн, когда Мецгер срочно вызвал его зашифрованным сообщением. Спенсер Бостон немедленно прервал отпуск. Если он и злился, а так оно, скорее всего, и было, то ничем себя не выдал.

Это выглядело бы неуместно.

Неподобающе.

Спенсер Бостон являл собой пример увядшего изящества прошлого поколения. Будучи на десять лет старше Мецгера, с густыми волнистыми седыми волосами, он обладал чертами добродушного дедушки с морщинками в уголках плотно сжатых губ. Он излучал невозмутимое спокойствие и здравомыслие. Как и Волшебника, его нисколько не беспокоил Дым.

Шагнув в кабинет, Бостон инстинктивно закрыл дверь, отгораживаясь от любопытных ушей, и молча сел напротив босса, не сводя взгляда с темно-красного мобильного телефона в его руке. Никакого отношения к секретности такой цвет не имел – просто именно он оказался доступен на момент закупки для компании. Это устройство использовалось редко и никогда не покидало здания. Мецгер считал его своим магическим телефоном.

Директор НРОС вдруг понял, что у него затекла рука, сжимавшая трубку. Положив аппарат, он едва заметно кивнул человеку, с которым работал уже несколько лет, с тех пор как сменил предыдущего главу НРОС. Того засосала воронка политики, и в итоге он бесследно исчез.

– Спасибо, что пришел, – коротко сказал Мецгер, словно чувствуя, что нужно как-то прокомментировать нарушенный отпуск.

Дым мог действовать на него по-разному. Иногда находило умопомрачение, и даже если он не злился, то забывал, как надлежит себя вести нормальному человеку.

«Папа, ты... с тобой все в порядке?»

«Я же улыбаюсь».

«Вроде как. Просто... знаешь, какой-то у тебя странный вид».

Административный директор поерзал на заскрипевшем под ним стуле. Спенсера Бостона нельзя было назвать миниатюрным. Отхлебнув холодного чая из высокого пластикового стакана, он вопросительно поднял густые брови.

– Кто-то сливает от нас информацию, – сказал Мецгер.

– Что? Быть того не может.

– Есть подтвержденные сведения.

Мецгер объяснил, что произошло.

– Нет, – прошептал Бостон. – И что ты в связи с этим предпринимаешь?

Проигнорировав провокационный вопрос, Мецгер добавил:

– Мне нужно, чтобы ты его нашел. Не важно, какой ценой.

«Осторожнее, – напомнил он себе. – В тебе говорит Дым».

– Кто еще знает? – спросил Бостон.

– Он – точно. – Мецгер бросил почтительный взгляд на магический телефон.

Подробности не требовались.

Волшебник.

Бостон беспокойно поморщился. Прежде он работал в другом правительственном разведывательном агентстве. Успешно добывал источники информации по всей Центральной Америке – региону, который выбрал для себя сам, – включая столь ключевые страны, как Панама.

Специальностью же его было тонкое искусство смены режимов. Именно оно, а не политика было полем деятельности Бостона, но он знал, что без поддержки из Вашингтона и его самого, и информаторов могут бросить в самый неподходящий момент. Несколько раз его брали в плен революционеры, мятежники или боссы преступных картелей. Его допрашивали и даже, возможно, пытали, хотя он никогда об этом не рассказывал.

И он остался жив. В Вашингтоне опасности были иные, но требовали тех же умений выживать.

Бостон пригладил свою роскошную, пусть и седую шевелюру, ожидая продолжения.

– Он... – сказал Мецгер, вновь подчеркивая, что имеется в виду Волшебник, – знает о ведущемся расследовании, но он ничего не говорил ни о каких утечках. Вряд ли ему о них известно. Мы должны найти изменника, прежде чем об этом узнают в столице.

Прихлебывая бледный чай, Бостон все больше хмурился, отчего на его лице стали отчетливее видны морщины. В роли пожилого высокопоставленного политического деятеля он вполне мог бы соперничать с Дональдом Сазерлендом³. Мецгер, несмотря на разницу в возрасте, уже начинал лысеть, был костист и худощав. По сравнению с Бостоном он чувствовал себя кем-то вроде хорька.

– Что думаешь, Спенсер? Как мог просочиться наружу ордер на спецзадание?

Бостон взглянул в окно. Со своего места он не видел реки Гудзон, лишь отраженный свет позднего утра.

– Предчувствие мне подсказывает, что это был кто-то во Флориде. Следующий вариант – Вашингтон.

– Техас, Калифорния?

– Сомневаюсь, – ответил Бостон. – Они получают копии ордеров, но если не задействован кто-то из их специалистов, то даже не открывают... И как ни досадно мне это говорить, нельзя полностью исключать кого-то из местных. – Он повел подбородком, подразумевая штаб-квартиру НРОС.

Что ж, верно. Кто-то из сотрудников вполне мог их предать, сколь бы болезненной ни казалась подобная мысль.

– Я выясню у службы компьютерной безопасности насчет серверов, копиров и сканеров, – продолжил Бостон. – Проверю на полиграфе всех, у кого есть разрешение на загрузку данных. Проведу тщательный автоматический поиск в «Фейсбуке». Даже не только там, но еще в блогах и прочих социальных сетях. Посмотрю, не выступал ли кто-то из имеющих доступ к ордерам с критикой правительства и нашей миссии.

Миссия по ликвидации плохих парней.

Предложения Бостона, выглядевшие вполне разумно, впечатлили Мецгера.

– Хорошо. Работы будет полно.

Взглянув в окно, он увидел мойщика, трудившегося на высоте в триста или четыреста футов, и ему, как это часто бывало, вспомнились прыгавшие из башен одиннадцатого сентября.

Дым заполнил его легкие.

«Дыши...

Прогони Дым...»

Но Мецгер не мог – ибо они, те, кто выпрыгивал из зданий в тот кошмарный день, тоже не могли дышать. Их легкие заполнял маслянистый дым, поднимающийся от языков пламени, готового поглотить всех в ближайшие секунды. Пламя ворвалось в их кабинеты размером двенадцать на двенадцать футов, оставив лишь единственный выход – в окна, на бездушный бетон.

У него снова задрожали руки.

Бостон пристально посмотрел на главу НРОС.

³ Дональд Сазерленд – канадский актер театра, кино и телевидения, кинопродюсер.

Заметив это, Мецгер небрежно поправил фотографию: он, Сет, Кэти и фыркающая лошадь. Снимок был сделан прекрасной оптикой, которая в данном случае лишь фиксировала дорогую память, но мало чем отличалась от прицела, способного направить пулю точно в человеческое сердце.

– У полиции есть доказательства завершения задания?

– Нет, вряд ли. Статус – «закрыто», и на этом все.

Ордера на убийство являлись, по сути, приказами ликвидировать ту или иную цель. Факт совершения убийства никак не документировался. Стандартная процедура в случае каких-либо вопросов заключалась в том, чтобы все отрицать, отрицать и еще раз отрицать.

– Мы что-нибудь предпринимаем?... – начал Бостон.

– Я сделал несколько звонков. Дон Брунс, естественно, знает о расследовании. И еще пара человек. Мы... работаем над решением проблемы.

Двусмысленный глагол и дополнение. Вполне достойные Волшебника.

«Работаем над решением...»

Спенсер Бостон, обладатель впечатляющей седой гривы и еще более впечатляющего шпионского послужного списка, отхлебнул чая. Соломинка опустилась глубже под пластиковую крышку, слабо завибрировав, будто смычок по скрипичной струне.

– Не беспокойся, Шрив. Я найду его. Или ее.

– Спасибо, Спенсер. Если что – звони в любое время. Днем или ночью.

Бостон поднялся, застегивая скроенный не по фигуре пиджак.

Когда он ушел, Мецгер услышал, как звякнул магический красный телефон. Пришло сообщение из находившегося в подвале отдела наблюдения и изучения данных: «Прокурор, ведущий расследование: Нэнс Лорел. Данные следователей из Управления полиции Нью-Йорка будут известны в ближайшее время».

Когда он это прочитал, Дым значительно ослаб.

Наконец-то. Есть с чего начать.

Глава 12

Джейкоб Свонн подошел к своей машине на стоянке в аэропорту Ла-Гуардиа. Открыв багажник «ниссана», аккуратно пристроил чемодан – внутри находились ножи. Естественно, что при их наличии ручной кладью было не обойтись.

Тяжело опустившись на переднее сиденье, Свонн потянулся и глубоко вздохнул. Устал. Почти сутки назад он покинул квартиру в Бруклине, отправившись на Багамы, и спал за это время лишь около трех часов, в основном в самолете.

Общение с Аннет закончилось быстрее, чем он предполагал. Но когда избавился от ее тела, потребовалось время на поиски горячей мусорной кучи, чтобы сжечь свидетельства своего приезда сюда неделей ранее. Потом пришлось заняться дальнейшим заметанием следов, включая визит в квартиру Аннет и рискованную, но в итоге успешную вылазку на место убийства Морено, в отель «Саут-Коув инн».

Затем он покинул остров так же, как и на прошлой неделе, – с пристани у озера Милларс-Саунд. Он знал кое-кого из тех, кто собирался там ежедневно, вкалывая на погрузке кораблей, покуривая «Кэмел», ганджу и потягивая пиво «Сэндс», «Калик» или, что более вероятно, «Тройное солодовое». Эти люди брались и за разного рода странную работу, действуя быстро и тайно. Его переправили маленькой лодкой на один из бесчисленных островов возле Фрипорта, а оттуда вертолетом – на поле к югу от Майами.

Карибские острова имели свою специфику. С одной стороны – таможенный контроль, с другой – способы этот контроль обойти. Такие, как Джейкоб Свонн, с толстой пачкой банкнот в кармане – а денег у его работодателя, естественно, было в избытке – могли при желании незамеченными попасть туда, куда требовалось.

Пустив кровь, он уже не сомневался, что Аннет никому не рассказала о нем. Неделю назад он небрежно задал ей вопросы насчет отеля «Саут-Коув инн» и апартаментов под номером тысяча двести, а также о телохранителе Морено и о самом Морено. Все эти факты могли быть сопоставлены воедино, что привело бы к ряду весьма неприятных для него выводов.

Он воспользовался ножом «кайсюн» лишь пару раз – надрез, еще надрез... Вероятно, без необходимости – настолько она была напугана. Но Джейкоб Свонн был весьма педантичным человеком. Можно полностью испортить нежный соус, всего-то чересчур быстро добавив горячую жидкость в шипящую смесь муки и масла. И стоит этому случиться, исправить что-либо уже невозможно. Вопрос нескольких градусов и нескольких секунд. Никогда не упускай возможности отточить мастерство. Если можно так выразиться.

Подъехав к будке у выезда с парковки, он расплатился наличными, после чего преодолел около мили по Гранд-Сентрал-паркуэй и, свернув на обочину, поменял номерные знаки, а затем продолжил путь к себе домой в Бруклин.

Аннет...

Несчастной проститутке не повезло, что они наткнулись друг на друга, когда Свонн планировал свою работу в «Саут-Коув». Ведя наблюдение, он заметил охранника Морено, Симона Флореса, который разговаривал и флиртовал с женщиной. Они явно только что вместе вышли из номера, и по их шуточкам и языку тела Свонн понял, чем они занимались.

Девушка на работе. Отлично.

Подождав час или два, он небрежно обошел территорию, пока не встретил Аннет в баре, где она покупала разбавленные напитки, исполняя роль приманки для очередного клиента.

Свонн, вооруженный тысячей долларов в виде не оставляющих следов наличных, с радостью к ней подкатил.

После хорошего секса и еще лучшего жаркого он узнал немало ценной информации, необходимой для его задания. Но он не ожидал, что начнется расследование, и потому не при-

брал за собой столь тщательно, как, вероятно, стоило бы. Вот причина, по которой состоялось повторное путешествие на остров.

Вполне успешное. И принесшее ему удовлетворение.

Припарковав машину в гараже в переулке, он вернулся к себе домой в Бруклин-Хайтс, недалеко от Генри-стрит. Оставив чемодан в прихожей, сбросил одежду и принял душ.

Гостиная и две спальни были обставлены скромно, в основном недорогим антиквариатом и несколькими предметами из «Икеи». Квартира мало чем отличалась от жилья любого нью-йоркского холостяка, за двумя исключениями: массивного зеленого оружейного сейфа в шкафу, где хранились ружья и пистолеты, и кухни, которой мог бы позавидовать профессиональный шеф-повар.

Именно в кухню Свонн вошел после того, как вытерся и надел махровый халат и тапочки. «Викинг», «Миеле», «Китчен Эйд», «Саб-Зиро», отдельная морозильная камера, охладитель для вина, собственноручно собранная плита с инфракрасным подогревом. Нержавеющая сталь и дуб. Всю стену занимали застекленные шкафы с посудой и кухонными принадлежностями. (Подвесные полки под потолком, конечно, выглядят красиво, но зачем каждый раз мыть то, в чем собираешься готовить?)

Свонн заварил себе кофе во френч-прессе и, потягивая крепкий напиток, который он пил без молока, начал размышлять о том, что бы такого сделать на завтрак.

В конце концов выбрал говяжье рагу. Ему нравились кулинарные вызовы, и составленные им рецепты вполне могли бы принадлежать столь великим личностям, как Хестон Блюменталь или Гордон Рамзи. Но Свонн также понимал, что еда вовсе не обязательно должна быть изысканной. Когда он служил в армии, по возвращении с очередного задания в свою квартиру в окрестностях Багдада часто готовил для сослуживцев, используя полевые пайки в сочетании с купленными на арабском рынке продуктами. Никто не подшучивал над ним из-за его педантичного и самоуверенного подхода к процессу готовки. Во-первых, еда всегда получалась превосходная, а во-вторых, они знали, что Свонн, возможно, еще утром сдирает кожу с вопящего мятежника, пытаясь выяснить, куда подевался пропавший транспорт с оружием.

Шутить над такими людьми было рискованно.

Достав из холодильника стейк весом в фунт, он развернул плотную белую вощеную бумагу. За идеальный размер и форму этого куса мяса он отвечал лично. Примерно раз в месяц Свонн покупал говяжью полутушу, которую держали в холодильной камере для таких, как он, мясников-любителей. Он выделял целый день на то, чтобы срезать мясо с костей и превратить его в филе, ребрышки, крестец, лопатку, бочок, грудинку.

Кто-то из покупавших мясо в виде туш предпочитал мозги, потроха, желудки и другие органы, но Свонна они не привлекали, он их выбрасывал. Никакого морального или эмоционального предубеждения к этим частям животного он не испытывал – для него мясо было всего лишь мясом. Вопрос заключался только во вкусе. Кому бы не понравилось хрустящее, поджаренное в панировке «сладкое мясо»?⁴ Но основная часть субпродуктов горчила и требовала трудов больших, чем оно того стоило. От почек, к примеру, кухня могла провонять на несколько дней, а мозги были чересчур калорийны и безвкусны, к тому же пропитаны холестерином. Так что, стоя возле двухсотфунтового разделочного стола, в фартуке до пят, с пилой и ножом в руках, Свонн вырезал исключительно классические куски туши, стремясь придать им идеальную форму и одновременно оставить на кости как можно меньше мяса. Это было нечто вроде искусства или спорта.

И оно поднимало ему настроение.

«Мой маленький мясник...»

⁴ «Сладкое мясо» – кулинарное название желез внутренней секреции телянка, реже ягненка, иногда коровы или свиньи. Блюда из желез считаются деликатесом.

Положив стейк на разделочную доску – непременно деревянную, чтобы сохранить лезвия ножей, – он провел пальцами по мясу, ощущая натяжение плоти, исследуя зернистость и мраморность жира.

Однако, прежде чем начать резать, он вымыл и собрался заострить свой «кайсюн» на черном арканзасском точильном камне, который стоил почти столько же, сколько сам тесак, и был лучшим точильным приспособлением на планете. Когда Свонн сидел верхом на Аннет, он перешел от языка к пальцу, и лезвие неудачно наткнулось на кость. Нож требовалось вновь довести до идеального состояния.

Наконец «кайсюн» был наточен, и Свонн вернулся к стейку: стал медленно нарезать кусок мяса на кубики величиной в четверть дюйма.

Он мог сделать их крупнее и работать быстрее.

Но зачем спешить, когда можно растянуть удовольствие?

Закончив, он посыпал кубики смесью шалфея и муки (его вклад в классический рецепт) и обжарил их в масле на чугунной сковороде. Снял с огня, когда мясо еще оставалось розовым внутри. Нарезав две красных картофелины и половину луковицы видалия, он зарумянил овощи на той же сковороде и вернул туда мясо. Добавив немного телячьего бульона и рубленой итальянской петрушки, поставил под гриль, чтобы сверху запеклась корочка.

Пару минут спустя все было готово. Посолив и поперчив блюдо, он сел за крайне дорогой тиковый стол у окна в кухне и приступил к еде, закусывая розмариновой лепешкой, которую испек несколько дней назад. Со временем она стала лишь вкуснее – травы отлично сочетались с мукой, смолотой вручную.

Свонн, по обыкновению, ел не спеша. К тем, кто торопился, жадно поглощая еду, он относился с жалостью, граничившей с презрением.

Едва он закончил трапезу, пришло электронное письмо. Большая разведывательная машина Шрива Мецгера, обеспечивавшая национальную безопасность, работала безукоризненно.

Получил твое сообщение. Рад, что все прошло успешно.

Помехи, которые тебе предстоит минимизировать/устранить:

1. Свидетели и связанные с ними лица, располагающие сведениями об ордере на спецзадание.

Предлагаю проанализировать пребывание Морено в Нью-Йорке с 30 апреля по 2 мая.

2. Прокурор, ведущий расследование: Нэнс Лорел. Данные следователей из Управления полиции Нью-Йорка будут известны в ближайшее время.

3. Виновный в утечке ордера на спецзадание. Его личность уже выясняют. Возможно, у тебя есть мысли на этот счет. Действуй по своему разумению.

Свонн позвонил в техническую службу и запросил кое-какие данные из баз, после чего натянул толстые желтые резиновые перчатки. Чтобы очистить сковороду, он натер ее солью и обработал поверхность горячим маслом – само собой, чугуну не следовало соприкасаться с мылом и водой. Затем он начал мыть тарелки и приборы в очень горячей воде. Процесс ему нравился, и он обнаружил, что ему лучше всего думается, когда он стоит возле раковины, глядя на деревце гинкго в маленьком садике перед зданием. Орехи этого растения отличались любопытными свойствами. Их использовали в азиатской кухне – в частности, как главную составляющую восхитительного японского заварного крема тяванмуси. Но они могли быть и ядовиты, если употреблять их в больших количествах. Хотя опасен, естественно, мог быть любой обед. Кто порой не задумывался, садясь за стол, не попадет ли ему сальмонелла или кишечная палочка? Джейкобу Свонну доводилось есть фугу – печально знаменитую рыбу-иглобрюха

с ядовитыми органами – в Японии, и он забраковал это блюдо не из-за его потенциальной смертоносности (подготовка поваров делала отравление практически невозможным), но из-за слишком пресного, с его точки зрения, вкуса.

Он тер и скреб, удаляя все следы продуктов с металла, стекла и фарфора.

И напряженно размышлял.

Ликвидация свидетелей, конечно, бросала подозрение на НРОС и связанные с ней организации, поскольку об ордере на убийство уже стало известно всем. В иных обстоятельствах Свонн попытался бы подстроить ряд несчастных случаев или возложить вину за предстоящие убийства на фиктивных игроков – картели, которые, как заявлял Мецгер, несли ответственность за смерть Морено, или стремившихся отомстить преступников, посаженных в тюрьму полицией и прокурором.

Но в данном случае это бы не сработало. Джейкоб Свонн должен был сделать то, что лучше всего умел. Пока Шрив Мецгер будет отрицать, что ордера на убийство вообще существовали, Свонн обеспечит алиби. Не останется ни одного доказательства или свидетеля его операции по зачистке, которые могли бы дать повод связать с убийством как саму НРОС, так и кого-либо имеющего к ней отношение. С этим он вполне мог справиться. Джейкоб Свонн до мозга костей был педантичным человеком.

У него не оставалось иного выбора, кроме как устранить эти угрозы. Он не мог допустить, чтобы кто-либо подверг опасности его организацию. Слишком важна была работа, которой там занимались.

Свонн вытер тарелки, серебряные приборы и кофейную чашку плотным полотенцем – со старанием хирурга, завершающего последние стежки после успешной операции.

Глава 13

Убийство Роберта Морено

- Место преступления 1

- Апартаменты 1200, отель «Саут-Коув инн», остров Нью-Провиденс, Багамы («комната смерти»).

- 9 мая.

- Жертва 1: Роберт Морено.

- Причина смерти: огнестрельное ранение, подробности позже.

- Дополнительная информация: Морено, 38 лет, гражданин США, эмигрант, резидент Венесуэлы. Настроен крайне антиамерикански. Прозвище: Посланник Истины.

- Провел три дня в Нью-Йорке, 30 апреля – 2 мая. Цель?

- Жертва 2: Эдуардо де ла Руа

- Причина смерти: огнестрельное ранение, подробности позже.

- Дополнительная информация: журналист, бравший интервью у Морено.

- Родился в Пуэрто-Рико, резидент Аргентины.

- Жертва 3: Симон Флорес

- Причина смерти: огнестрельное ранение, подробности позже.

- Дополнительная информация: телохранитель Морено. Гражданин Бразилии, резидент Венесуэлы.

- Подозреваемый 1: Шрив Мецгер.

- Директор Национальной разведывательно-оперативной службы.

- Эмоционально неустойчив? Проблемы со вспышками гнева.

- Манипулировал доказательствами с целью незаконного обоснования ордера на спецзадание?

- Разведен. Диплом юриста, Йель.

- Подозреваемый 2: снайпер.

- Кодовое имя: Дон Брунс.

- Информационная служба собирает данные по Брунсу.

- Получены результаты спектрального анализа голоса.

- Отчет с места преступления, отчет о вскрытии и прочие подробности последуют позже.

- Слухи о стоящих за убийствами наркокартелях. Рассматриваются как маловероятные.

- Место преступления 2

- Снайперское укрытие Дона Брунса в 2000 ярдах от «комнаты смерти», остров Нью-Провиденс, Багамы.

- 9 мая.

- Отчет с места преступления последует позже.

- Дополнительное расследование.

- Определить личность информатора.

- Неизвестный субъект, осуществивший утечку ордера на спецзадание.

Отправлено по анонимной электронной почте.

Связались с отделом по борьбе с киберпреступностью Управления полиции Нью-Йорка с поручением отследить источник, ждем результатов.

Уперев руки в бока, Амелия Сакс разглядывала доску.

Она заметила, что у Райма ее писанина не вызывает особого интереса, по крайней мере пока не начали появляться неопровержимые факты – в данном случае улики.

Были они втроем – Сакс, Лорел и Райм. Лон Селитто поехал в центр за тщательно отобранной командой специалистов по скрытому наблюдению из оперативного отдела капитана Майерса. Поскольку важнее всего оставалась секретность, Лорел не хотела прибегать к услугам обычных патрульных полицейских.

Отвернувшись от доски, Сакс прошла к столу. Она не любила сидеть на месте, а именно этим ей пришлось заниматься последние два часа. Проявились бывшие дурные привычки: впи- валась ногтями в подушечки пальцев, расчесывала до крови кожу на голове. Неугомонная натура звала ее на улицу, побуждая куда-то идти или ехать. Отец в свое время даже придумал афоризм, ставший ее гимном: «Когда ты в движении, тебя трудно поймать...»

Слова эти имели для Германа Сакса более одного значения и вполне могли определять его работу. Как и Амелия, он был полицейским. Патрулировал район Сорок второй улицы и Таймс-сквер в те времена, когда число убийств в городе доходило до рекордных показателей. Умение быстро бегать, быстро соображать и быстро ориентироваться в ситуации помогало ему выжить.

Быть в движении... Это относилось и к жизни как таковой. Чем меньше ты подверга- ешься опасности, тем лучше, откуда бы она ни исходила – от любовниц, начальства или сопер- ников. Он часто цитировал эту фразу, пока не умер (не от всего можно убежать, в том числе и от собственного тела, когда подводит здоровье).

Однако любое расследование требует организации и рутинной работы, что было осо- бенно верно в данном случае, когда добыть факты нелегко, а место преступления недоступно. Сакс, вынужденно прикованная к дому, просматривала документы и с надлежащей осторож- ностью обсуждала вопросы по телефону.

Сев за стол, она снова принялась изучать бумаги и рассеянно вонзила ноготь большого пальца в кожу под другим ногтем. Руку прошила боль, но Амелия не обращала на это внима- ния. Упавшая на листок маленькая красная капля тоже осталась незамеченной.

Отчасти причиной такого напряженного состояния была Надсмотрщица, как Сакс мыс- ленно называла Нэнс Лорел. Она не привыкла, чтобы к ней заглядывали через плечо, даже ее начальники, – а у Амелии Сакс, как детектива третьей степени, их было немало. Лорел уже обосновалась как у себя дома, в окружении двух ноутбуков впечатляющих размеров, и даже велела привезти еще несколько толстых папок.

Не собиралась ли она заодно обзавестись и раскладушкой?

С другой стороны, неулыбчивая, сосредоточенная Лорел не проявляла ни малейших признаков раздражения. Сгорбившись над документами, она громко стучала по клавишам и делала заметки очень мелким аккуратным почерком, изучая и сортируя страницу за страни- цей. Строки на экране компьютера тщательно прочитывались, а затем либо отвергались, либо, обретя новое воплощение посредством лазерного принтера, отправлялись в папки дела «Штат Нью-Йорк против Мецгера и др.».

Поднявшись, Сакс снова прошла к доске и вернулась на ненавистный стул, чтобы выяс- нить все возможное о поездке Морено в Нью-Йорк с тридцатого апреля по второе мая. Она опрашивала отели и прокатные конторы, в двух третях случаев попадая на людей, а в прочих оставляя сообщения.

Амелия бросила взгляд на Райма, который по телефону пытался убедить багамскую поли- цию сотрудничать. Судя по выражению лица, везло ему не больше, чем ей.

Внезапно зажуужал телефон Сакс. Звонил Родни Шарнек из отдела по борьбе с киберпреступностью Управления полиции Нью-Йорка, элитной группы, включавшей три десятка детективов и вспомогательный персонал. Хотя Райм был традиционным ученым-криминалистом, они с Сакс в последние годы работали во все более близком контакте с ОКП. Компьютеры и мобильные телефоны – и удивительные свидетельства, которые те хранили, как казалось, вечно, – стали крайне важны для ведения успешного расследования. Сакс оценивала возраст Шарнека в сорок с небольшим, но точно определить было сложно. Шарнек всем своим видом излучал молодость – от растрепанных волос до помятых джинсов и футболки, а также страстной любви к «тачкам», как он именовал компьютеры.

Не говоря уже о его пристрастии к громкой и, как правило, скверной рок-музыке. Сейчас она как раз и гроыхала на фоне разговора.

– Привет, Родни, – сказала Сакс. – Нельзя ли сделать потише?

– Извини.

Шарнек играл ключевую роль в поисках информатора, через которого прошла утечка ордера. Он отслеживал анонимное электронное письмо с вложением в виде ордера на убийство, двигаясь назад от точки его получения, окружной прокуратуры Манхэттена, и пытаясь выяснить, где находился источник утечки в момент отправления письма.

– Придется подождать, – сообщил Родни под едва слышные басы и ударные в ритме четыре четверти. – Письмо прошло через прокси-сервера, обойдя половину мира. Собственно, даже вокруг всего мира. Пока что мне удалось отследить его путь от окружной прокуратуры до ретранслятора на Тайване, а оттуда – до Румынии. И должен тебе сказать, румыны не рвутся с нами сотрудничать. Но я получил кое-какую информацию о тачке, которую он использовал. Пытался всех обхитрить, но споткнулся.

– Хочешь сказать, ты определил марку его компьютера?

– Возможно. Его идентификационная строка... Гм, ты хоть знаешь, что это?

Сакс призналась, что нет.

– Это информация, которую твой компьютер посылает роутерам и серверам, когда ты в сети. Любой может ее увидеть и точно определить, какие у тебя операционная система и браузер. Так вот, на тачке твоего информатора работали «Макос девять-два-два» и «Интернет эксплорер – пять» для «Мака». Они довольно старые, что всерьез сужает поле поиска. Думаю, у него был «айбук», первый портативный «Мак» со встроенной антенной, то есть он мог подключиться к вай-фаю для загрузки, не используя отдельный модем или сервер.

«Айбук»? Сакс никогда о таком не слышала.

– Родни, насколько это старый компьютер?

– Ему уже лет десять с лишним. Вероятно, куплен с рук за наличные, так что не отследить. Именно в этом и состояла хитрость. Но наш герой не предполагал, что мы сумеем определить марку.

– И как выглядит эта машина?

– Если мы не ошиблись, это должна быть складная модель. Они выпускались в двух тонах, белого и какого-нибудь яркого цвета, скажем зеленого или оранжевого. Округлые, в форме раковины. Есть и стандартная прямоугольная модель, сплошного графитового цвета. Вдвое толще современных ноутбуков. Именно так его можно опознать.

– Хорошо, Родни. Спасибо.

– Займусь дальше тем роутером. Румыны в конце концов прогнутся, нужно только суметь договориться.

Музыка в трубке стала громче, а затем сменилась тишиной.

Оглядевшись, Сакс обнаружила, что Нэнс Лорел бесстрастно смотрит на нее с вопрошающим выражением лица. Как ей это удавалось? Сакс пересказала ответ специалиста по

киберпреступлениям. Райм кивнул, не особо впечатлившись, и молча вернулся к телефону. Ждет очередного соединения, решила Сакс.

Ей показалось, что Лорел кивнула одобрительно.

– Не могли бы вы задокументировать все это и прислать мне?

– Что?

Последовала пауза.

– То, что вы рассказали насчет отслеживания и типа компьютера.

– Я собиралась написать это на доске, – ответила Сакс.

– Мне бы хотелось, чтобы все оформлялось по возможности в реальном времени. – Зампрокурора указала в сторону стопки папок у себя на столе. – Если бы вы были так любезны...

Последняя фраза прозвучала в ее устах как удар дубинкой.

Сакс не собиралась никому оказывать любезностей, но и ввязываться в драку тоже была не склонна. Она набрала короткую записку на клавиатуре.

– Спасибо, – сказала Лорел. – Просто пришлите ее мне по электронной почте, я сама распечатаю. Через безопасный сервер, разумеется.

– Естественно.

Сакс отправила документ, отметив, что подобный стиль руководства со стороны зампрокурора не распространяется на Линкольна Райма.

Зажужжал ее телефон. Она удивленно подняла брови, увидев имя абонента.

Наконец хоть что-то конкретное. Звонила секретарь из «Элит лимузин». До этого Сакс опросила десятки прокатных фирм, выясняя, пользовался ли их услугами Роберт Морено первого мая. Как оказалось, пользовался. Женщина сообщила, что клиент с таким именем нанял автомобиль, предупредив, что сам назовет водителю адреса, куда хотел бы отправиться. Компания не регистрировала поездки клиентов, но секретарь дала Сакс имя и телефон водителя.

Позвонив ему, Амелия представилась и спросила, не могла бы она приехать и поговорить с ним в связи с ведущимся расследованием. Голос с сильным акцентом, который нелегко было понять, ответил, что не возражает, и назвал адрес.

– Я нашла водителя, который возил Морено первого мая, – сказала Сакс Райму, надевая пиджак. – Поеду поговорю с ним.

– Не могли бы вы составить отчет по сведениям, полученным от агента Деллрея, прежде чем уйдете? – быстро спросила Лорел.

– Сразу же как только вернусь.

Она заметила, как напряглась Лорел, но на этот раз ввязываться в драку не пожелала уже сама зампрокурора.

Глава 14

На этом этапе расследования Линкольн Райм обычно прибегал к помощи лучшего, на его взгляд, эксперта-криминалиста, детектива Управления полиции Нью-Йорка Мэла Купера.

Однако присутствие худощавого невозмутимого Купера не имело смысла в отсутствие вещественных доказательств. Райм лишь предупредил его, чтобы тот сидел на телефоне. Это означало быть готовым бросить все, за исключением операции на открытом сердце, и мчаться в лабораторию. Безотлагательно.

Но подобная перспектива в данный момент казалась маловероятной. Райм вернулся к тому, чем занимался все утро: отыскивал хоть какие-то улики в деле об убийстве Морено.

Он уже в четвертый раз пытался дозвониться до Королевской полиции Багамских островов в Нассау.

В трубке раздался мелодичный женский голос:

– Да, слушаю. Чем могу помочь?

Ну наконец-то! Райм с трудом сдержал раздражение, хотя ему приходилось снова объяснять все сначала.

– Говорит капитан Райм из Управления полиции Нью-Йорка.

Он давно уже перестал представляться консультантом или внештатным сотрудником. Это выглядело чересчур сложно и могло вызвать подозрения. На случай если кто-то потребовал бы подтверждения, он попросил Лона Селитто выступать его неформальным представителем. Собственно, ему даже хотелось, чтобы его проверили, поскольку проверяющие, как правило, хоть на что-то способны.

– Нью-Йорк, да.

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь из вашего отдела криминалистики.

– Криминалистики, да.

– Совершенно верно.

Райм представил себе ленивую, не слишком сообразительную служащую, сидящую в пыльном кресле в кабинете без кондиционера, под медленно вращающимся вентилятором.

Возможно, он был к ней несправедлив.

– Прошу прощения, какой отдел вам нужен?

А может, и нет.

– Криминалистики. Кто-нибудь из начальства. Речь идет об убийстве Роберта Морено.

– Подождите, пожалуйста.

– Нет... погодите!

Щелк.

«Черт побери!»

Пять минут спустя он обнаружил, что говорит с женщиной, которая наверняка отвечала на первый его звонок, хотя, похоже, его не помнила или делала вид.

Он повторил свой вопрос, на этот раз в порыве вдохновения добавив:

– Прошу прощения за настойчивость, нам не переставая звонят репортеры. Если я не смогу сам дать им информацию, придется направить их непосредственно к вам.

Он понятия не имел, насколько серьезна подобная угроза, – просто импровизировал.

– Репортеры? – с сомнением переспросила она.

– Си-эн-эн, Эй-би-си, Си-би-эс, «Фокс». Все подряд.

– Понятно. Минуту.

Уловка, однако, сработала – ждать пришлось не больше трех секунд.

– Пуатье слушает, – раздался низкий мелодичный голос с британским акцентом и карибскими интонациями.

Райм узнал их не потому, что бывал на островах. Но в прошлом он сыграл роль, благодаря которой несколько жителей той части света оказались в нью-йоркских тюрьмах. Ямайские банды по своей жестокости на голову превосходили мафию.

– Здравствуйте. Говорит Линкольн Райм из Управления полиции Нью-Йорка.

Он хотел было добавить: «Только не заставляйте меня снова ждать», но сдержался.

– Да-да, – осторожно ответил багамский полицейский.

– С кем я говорю? Офицер Пуатье, как я понимаю?

– Капрал Михал Пуатье.

– Вы из отдела криминалистики?

– Нет, я веду расследование убийства Морено... Погодите, вы сказали, что вы Линкольн Райм? Капитан Райм?

– Вы обо мне слышали?

– У нас есть в библиотеке одна из ваших книг по криминалистике. Я ее читал.

Возможно, данный факт мог склонить его к сотрудничеству. С другой стороны, капрал не сказал, понравилась ли ему книга, оказалась ли полезной. В последнем издании в биографической заметке сообщалось, что Райм ушел в отставку, – о чем Пуатье, к счастью, не знал.

Райм с ходу взялся за дело. Не упоминая Мецгера или НРОС, он объяснил, что, по мнению нью-йоркского полицейского управления, в убийстве Морено имеется американский след.

– Я хотел бы задать ряд вопросов насчет убийства и вещественных доказательств. У вас есть время? Мы можем поговорить?

Последовала пауза, достойная Нэнс Лорел.

– Боюсь, что нет, сэр. Дело Морено приостановлено, и...

– Прошу прощения – что значит «приостановлено»? Открытое дело об убийстве, случившемся неделю назад? Да сейчас расследование должно идти полным ходом.

– Именно так, капитан.

– Но почему? Вы арестовали подозреваемого?

– Нет, сэр. Прежде всего, мне неизвестно, о каком американском следе вы говорите. Убийство, вероятнее всего, было совершено членами одного из венесуэльских наркокартелей. Для того чтобы действовать дальше, мы ждем информации от тамошних властей. Что касается меня, то я вынужден сосредоточиться на более неотложном деле. Только что пропала студентка, американка. Да, в нашей стране порой случаются подобные преступления, – словно защищаясь, добавил Пуатье. – Но редко. Крайне редко. Сами знаете, как оно бывает, сэр. Исчезает симпатичная девушка – и тут же слетается пресса. Будто стервятники.

Пресса. Возможно, именно поэтому Райму в конце концов удалось пробиться. Его блеф затронул уязвимое место.

– У нас меньше изнасилований, чем в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Намного меньше. Но исчезновение студентки на островах разрастается в гигантское событие. И, при всем к вам уважении, должен сказать, что ваши новостные программы к нам более чем несправедливы. И британская пресса тоже. Но на этот раз пропала американская студентка, а не британская, так что не обойдется без Си-эн-эн и прочих. Стервятники. При всем к вам уважении.

Райм почувствовал, что собеседник пытается его отвлечь.

– Капрал...

– Более чем несправедливо, – повторил Пуатье. – Приезжает студентка из Америки на каникулы или, как эта девушка, чтобы проучиться семестр. И всегда оказываемся виноваты мы. О нас говорят ужасные вещи.

Райм окончательно потерял терпение, но изо всех сил старался сохранять спокойствие.

– Что насчет убийства Морено, капрал? Мы уверены, что картели не имеют никакого отношения к его смерти.

Наступила тишина, резко контрастирующая с прежней болтовней полицейского.

– В общем... сейчас я делаю все возможное, чтобы найти ту студентку.

– Мне плевать на студентку, – рявкнул Райм, что, возможно, прозвучало не слишком изящно, но в данный момент именно так оно и было. – Мне важен Роберт Морено. В деле есть американский след, и я сейчас им занимаюсь. Время не терпит.

«Объект: аль-Барани Рашид (код НРОС: abr942pd5t)

Родился: 2/73, Мичиган».

Райм не имел ни малейшего понятия, кто такой этот Рашид, чье имя стояло следующим в ордере на спецзадание НРОС, и сомневался, что это невинный отец семейства из Коннектикута. Но он был полностью согласен с Нэнс Лорел в том, что ошибочная или ложная информация не должна была стать причиной гибели этого человека.

«Завершить к: 19/5...»

– Мне бы хотелось получить копию криминалистического отчета, фотографии места преступления и укрытия, откуда стрелял снайпер, отчеты о вскрытии, лабораторные анализы. Всю документацию. И любую информацию из баз данных о человеке по имени Дон Брунс, находившемся на острове во время убийства. Это прикрытие. Кодовое имя снайпера.

– Ну... собственно, у нас пока нет окончательного отчета. Есть кое-какие заметки, но они неполные.

– Неполные? – проворчал Райм. – Убийство произошло девятого мая.

– Кажется, да.

Кажется?

Райма внезапно охватила смутная тревога.

– Естественно, место преступления обыскали?

– Да-да, само собой.

Что ж, хоть что-то.

– На следующий день после убийства мистера Морено мы отправились прямо туда, – продолжил Пуатье.

– На следующий день?

– Да. – Пуатье поколебался, будто осознавая свой промах. – У нас в тот же день был другой случай. В центре города убили и ограбили известного адвоката в его конторе. Делу придали высший приоритет. Мистер Морено не был гражданином страны – в отличие от адвоката.

Есть два условия, при которых место преступления начинает представлять намного меньшую ценность для следователей. Первое – когда следы затаптывают неосторожные люди, включая самих полицейских. Второе – когда между преступлением и поиском следов проходит время. Улики, позволяющие установить личность и вину подозреваемого, могут в буквальном смысле испариться за несколько часов.

Прошедшие до осмотра места преступления сутки могут сократить число жизненно важных доказательств наполовину.

– То есть место преступления все еще под охраной?

– Да, сэр.

Уже кое-что.

– Капрал! – Райм придал голосу надлежащую серьезность. – Причина нашего участия в расследовании состоит в том, что, как мы считаем, убивший Морено продолжит убивать и дальше.

– Что, правда? – с неподдельной тревогой спросил Пуатье. – Здесь?

– Мы не знаем.

С капралом заговорил кто-то еще. Чья-то рука прикрыла микрофон, и Райм слышал лишь неразборчивое бормотание.

– Я возьму у вас телефон, капитан, – снова послышался голос Пуатье, – и если сумею выяснить что-то полезное, то позвоню.

Скрежеща зубами, Райм продиктовал номер, после чего быстро спросил:

– Не могли бы вы снова обыскать место преступления?

– При всем к вам уважении, капитан, у вас в Нью-Йорке намного больше ресурсов, чем тут у нас. И если честно, для меня это все как гром среди ясного неба. Это мое первое дело об убийстве. Иностраный активист, снайпер, роскошный курорт...

– Первое дело об убийстве?

– Ну... да.

– Капрал, при всем к вам уважении... – повторил его любимую фразу Райм, – не мог бы я поговорить с кем-то из вашего начальства?

– Минуту, – ответил Пуатье, нисколько не оскорбившись.

Рука снова закрыла микрофон, и Райм смог разобрать только «Морено» и «Нью-Йорк».

– Прошу прощения, капитан, – мгновение спустя продолжил Пуатье. – Моего начальника сейчас нет на месте. Но у меня есть ваш номер, и я с радостью вам позвоню, когда мы выясним что-то еще.

Райм быстро размышлял, понимая, что, возможно, это его единственный шанс.

– Скажите мне только одно: вы извлекли неповрежденные пули?

– Да, одну, и... – Он внезапно замолчал. – Точно не уверен. Прошу меня простить. Я должен идти.

– У вас есть пуля? – спросил Райм. – Это ключ ко всему. Просто скажите...

– Возможно, я ошибся. Мне нужно заканчивать разговор.

– Капрал, из какого отдела полиции вас перевели?

Снова пауза.

– Из отдела надзора и лицензирования, сэр. А до этого – из дорожной полиции. Мне нужно идти.

В трубке повисла тишина.

Глава 15

Джейкоб Свонн остановил свой серый «ниссан-альтима» за домом водителя лимузина Роберта Морено.

Его техники поработали на славу. Они выяснили, что Морено, будучи в городе первого мая, воспользовался услугами фирмы «Элит лимузин». Обнаружилось также, что Морено всегда ездил с одним и тем же водителем по имени Влад Николов. Постоянно нанимаемый активистом шофер, вероятно, располагал информацией, которая была бы полезна следователям. Свонн должен был гарантировать, что этих фактов они не получают.

Быстро позвонив с предоплаченной сим-карты – «извините, ошибся номером», – он узнал, что водитель в данный момент дома. Голос с сильным русским или грузинским акцентом казался слегка зашпанным, – наверное, человек только что отработал ночную смену. Что ж, хорошо, значит в ближайшее время он никуда не уйдет. Но Свонн знал, что действовать нужно быстро. Полиция не могла столь же безнаказанно копаться в базах данных, как его техническая служба, но личность шофера можно было выяснить и путем традиционных расспросов.

Выбравшись из машины, Свонн потянулся и огляделся вокруг.

В Куинсе жили многие водители лимузинов – из-за кошмарной ситуации с парковками и высоких цен на недвижимость в Манхэттене. И еще потому, что работа часто требовала от них поездок в аэропорты Ла-Гардиа и имени Джона Кеннеди, расположенные в том же районе.

Джейкоб Свонн отметил, что дом Влада Николова выглядит скромно, но хорошо ухожен. Перед одноэтажным зданием из бежевого кирпича была разбита цветущая клумба, блестящая после недавнего дождя. Среди скошенной травы к порогу входной двери вели сланцевые плиты, подметенные, а может, даже вымытые день или два назад. Центральную часть двора занимали два тщательно подстриженных самшитовых куста.

Судя по информации, добытой технической службой из квитанций на оплату коммунальных услуг, включая показания электросчетчиков, а также по сведениям о покупках продовольствия и прочих товаров, сорокадвухлетний Николов жил один, что было необычно для русских или грузинских иммигрантов, склонных к семейственности. Свонн предположил, что семья Николова осталась на родине.

Так или иначе, уединенная жизнь водителя была Свонну на руку.

Он прошел вдоль дома, бросив быстрый взгляд на задернутое тонкой занавеской окно. Кружева. Возможно, у Николова время от времени бывала в гостях какая-то подруга. Вряд ли русский додумался сам покупать кружева. Посторонняя в доме могла стать проблемой – и не потому, что Свонн не был готов ее убить. Но две смерти увеличивали число тех, кто мог бы хватиться погибших, и здесь быстрее появилась бы полиция. Да и шума в новостях было бы больше. Он надеялся сохранить смерть водителя в тайне как можно дольше.

Дойдя до конца квартала, Свонн повернулся, надел простую черную бейсболку и, сняв куртку, вывернул ее наизнанку. Свидетели в основном замечают верхнюю одежду и головные уборы. Если кто-то его и видел, создавалось впечатление, что мимо дома прошли два разных человека, а не один и тот же дважды.

Следовало исключить даже крупицу подозрений.

Во второй раз он взглянул в другую сторону – на стоявшие перед домом и возле него автомобили. Среди них наверняка не было патрульных, но и присутствия полицейских машин без опознавательных знаков он тоже не почуял.

Подойдя к двери, Свонн достал из рюкзака шестидюймовый обрезок металлической трубки, заполненный свинцовой дробью, и сжал его в кулаке. Задача трубки состояла в том, чтобы обеспечить опору внутренней стороне пальцев, избежав их перелома при соприкосновении с костью или другой твердой частью тела жертвы. Он научился этому дорогой ценой –

промахнувшись с ударом в горло и попав в скулу, что закончилось переломом мизинца. Контроль над ситуацией он не потерял, но боль в правой руке оказалась невыносима, и он обнаружил, что крайне сложно снимать кожу, держа нож левой рукой.

Свонн также достал из рюкзака запечатанный неподписанный конверт. Огляделся вокруг. Никого.

Изобразив веселую улыбку, он надавил костяшкой пальца на кнопку звонка.

Никто не открывал. Он что, спит?

Вытащив из кармана бумажную салфетку, Свонн попробовал дверную ручку. Закрыто. В Нью-Йорке так было всегда, в отличие от пригородов Кливленда или Денвера, где он в прошлом месяце убил одного информационного посредника. В Хайлендс-Ранч никто не запирает ни окон, ни дверей. Убитый не запер даже свой «БМВ».

Свонн уже собирался обойти дом и поискать сзади окно, через которое можно было бы проникнуть внутрь. Но тут раздался глухой лязг, затем щелчок.

Он снова позвонил – просто чтобы Николов понял, что все еще нужен. Именно так поступил бы любой нормальный посетитель.

«Даже крупную подозрений...»

Послышался приглушенный дверью голос – не раздраженный, просто усталый.

Дверь открылась, и Свонн, к своему удивлению, а также радости, увидел, что водитель, которого предпочитал Роберт Морено, был ростом всего пять с половиной футов. Он вряд ли весил больше ста шестидесяти фунтов, то есть на двадцать пять меньше, чем сам Свонн.

– Да? – с сильным славянским акцентом спросил водитель, глядя на белый конверт в левой руке Свонна. Правой не было видно.

– Мистер Николов?

– Он самый, – подтвердил хозяин дома, одетый в коричневую пижаму и тапочки.

– У меня для вас возврат от ДТЛ. Вам нужно расписаться.

– Что?

– Департамент такси и лимузинов. Возврат.

– А, ну да, ДТЛ. Что за возврат?

– С вас взяли лишнюю плату.

– Вы от них?

– Нет, я работаю по договору. Просто доставляю чеки.

– Уроды они, вот что я вам скажу. Ничего не знаю насчет возврата, но дерут с нас только так. Погодите, а откуда мне знать, что меня не хотят нагреть? Вдруг я подпишу – и откажусь от всех своих прав? Может, мне стоит нанять адвоката?

Свонн поднял конверт:

– Можете прочитать. Все берут эти чеки, но тут говорится, что вы не обязаны этого делать, можете обратиться к третейскому судье. Мне все равно. Я только доставляю бумаги. Не хотите – не берите.

Николов отпер щеколду внутренней двери.

– Ладно, валяйте уж, чего там.

Несмотря на отсутствие у Свонна какого бы то ни было чувства юмора, он отметил, что водитель выбрал не слишком удачные слова.

Когда дверь открылась, Свонн быстро шагнул вперед и вогнал правый кулак с зажатой в нем трубкой в солнечное сплетение Николова, целясь не в уродливую коричневую ткань пижамы, но в точку примерно на два дюйма за ней – прямо в потроха. Чтобы сила удара была максимальна, следовало всегда целиться именно туда, а не в поверхность.

Судорожно вздохнув, Николов рыгнул и повалился на пол.

За долю секунды миновав лежащего, Свонн схватил его за воротник и затащил внутрь, прежде чем началась рвота. С силой пнул его в живот, Свонн выглянул в круглое окно.

Спокойная, мирная улица. Ни гуляющих с собаками, ни прохожих. Ни одной машины. Натянув латексные перчатки, он щелкнул дверным замком и спрятал трубку.

– Эй, есть кто-нибудь? – позвал Свонн.

Никого. Они были одни.

Снова ухватив водителя за воротник, Свонн поволок его по недавно начищенному полу в одну из комнат, подальше от окон.

Он взглянул на тяжело дышавшего мужчину, который корчился от боли.

Мясная вырезка, большая поясничная мышца, прилегающая к тонкой части и филею, считается самой нежной частью туши, – когда она правильно приготовлена, хватает вилки, чтобы ее разрезать. Но этот продолговатый трапециевидный кусок плоти, из которого готовят мясо по-веллингтонски и турнедо, в сыром виде далеко не столь приятен и требует некоторого времени для обработки. В основном приходится действовать ножом. Естественно, нужно удалить все более жесткие боковые мышцы, но сложнее всего обстоит дело с тонкой пленкой соединительной ткани, покрывающей большую часть вырезки. Весь фокус состоит в том, чтобы полностью снять эту пленку, но по возможности оставить нетронутым мясо. Приходится двигать ножом будто пилой, держа лезвие под точным углом. И чтобы все вышло как надо, требуется хорошая практика.

Размышляя обо всем этом, Джейкоб Свонн извлек из вошеного деревянного футляра «кайсюн» и присел.

Глава 16

По пути к дому водителя лимузина Роберта Морено Амелия Сакс наслаждалась тем, что наконец вырвалась из-под власти Надсмотрщицы.

«Хотя, возможно, я к ней несправедлива», – подумала она.

Нэнс Лорел была не таким уж плохим прокурором – судя по тому, что говорил Деллрей, и судя по ее подготовке к расследованию.

Но это вовсе не означало, что она должна была нравиться Амелии.

«Выясните, какую церковь посещал Морено, сколько он жертвовал на добрые дела и как много старушек перевел через дорогу. Если бы, Амелия, вы были так любезны...»

Вряд ли.

По крайней мере, Сакс уже не сидела на одном месте. Она мчалась на своем бордовом «форде-торино-кобра» семидесятого года, наследнике «фэйрлейна». Мотор мощностью четырехста пять лошадиных сил мог похвастать крутящим моментом в четырехста сорок семь футо-фунтов. Рычаг переключения передач фирмы «Херст» был жестким и капризным, но Амелия воспринимала его как еще более чувственную часть автомобиля, чем двигатель. Единственной неуместной деталью – не считая анахроничного вида машины на улицах современного Нью-Йорка – была кнопка клаксона от «Шевроле-Камаро СС», память о первом и любимом автомобиле Сакс, ставшем жертвой схватки с преступником несколько лет назад.

Она вела «кобру» через мост Куинсборо, служивший продолжением Пятьдесят девятой улицы. Отец говорил, что Пол Саймон написал про этот мост песню. Когда он только рассказал об этом, Амелия собиралась поискать композицию на айтюнс. Потом – собиралась после его смерти. А потом – раз в год или около того.

Но руки так и не дошли.

Поп-песня про мост. Интересно. Сакс в очередной раз напредила себе найти ее.

Движение на восток было вполне сносным. Скорость слегка возросла, и Амелия выжала сцепление, включая третью передачу.

И тут же поморщилась от боли.

Проклятье! Снова колено. А если не колено – то бедро.

Проклятье!

Артрит донимал ее всю взрослую жизнь. Не ревматизм, а коварное расстройство иммунной системы, злобно атакующее суставы. У нее был более распространенный остеохондроз, причиной которого могли быть гены или последствия мотоциклетной гонки в возрасте двадцати двух лет – или, если точнее, впечатляющего приземления после того, как ее «бенелли» вылетел с трассы всего в четверти мили от финиша. Но какова бы ни была причина, боли мучили Амелию постоянно. Она узнала, что ей в какой-то степени помогают аспирин и ибупрофен, зато хондроитин и глюкозамин бесполезны – по крайней мере, для нее. Простите, любители акульского хряща. Она делала инъекции гиалуроновой кислоты, но воспаление и боль, которую те вызывали, на несколько дней выключали ее из жизни. И естественно, экстракт петушиного гребня мог помочь лишь временно. Она научилась глотать таблетки не запивая и не притрагиваться ни к чему с этикеткой: «Принимать не чаще трех раз в день».

Но самое главное, чему она научилась, – улыбаться и делать вид, будто у нее ничего не болит, а суставы работают, как у здоровой двадцатилетней девушки.

«Когда ты в движении, тебя трудно поймать...»

И тем не менее боль означала, что двигаться так быстро, как хотелось бы, Сакс не в состоянии. У нее на этот счет даже имелась собственная метафора: проржавевший трос ручного тормоза, неспособный полностью освободить колодку.

Она все тащилась и тащилась...

Хуже всего было предчувствие, что из-за болезни ее отстранят от работы. Не обратил ли на нее сегодня утром внимание капитан Билл Майерс, когда она вдруг споткнулась? Каждый раз, оказываясь в присутствии кого-то из начальства, она пыталась скрыть мучившую ее боль. Удалось ли это на сей раз? Она надеялась, что да.

Проехав через мост, Амелия резко переключилась на вторую передачу, одновременно прибавив обороты, чтобы защитить неистовый мотор. Она пыталась убедить себя, что боль не так уж досаждала и глупо придавать этому значение.

Вот только стоило поднять левое колено, чтобы нажать на сцепление, как ногу вновь пронзила жестокая боль.

Сакс яростно смахнула выступившие на глазах слезы и продолжила путь с более умеренной скоростью.

Через десять минут она уже ехала через симпатичный жилой район в Куинсе. Маленькие аккуратные лужайки, тщательно подстриженные кусты, возвышающиеся над идеальными кругами перегной деревьев.

Она взглянула на номера зданий. Дом водителя Роберта Морено находился в середине квартала – ухоженное одноэтажное строение. На подъездной дорожке, наполовину выступая из гаража, стоял «линкольн-таун», черный и лоснящийся, будто винтовка новобранца на параде.

Припарковавшись во втором ряду, Сакс поставила на приборную панель карточку Управления полиции Нью-Йорка. Бросив взгляд на дом, она увидела, как слегка раздвинулась, а затем снова опустилась тонкая занавеска в окне гостиной.

Значит, водитель был дома. Хорошо. Иногда после звонка из полиции жильцы внезапно вспоминали о неотложных встречах на другом конце города. Или просто прятались в подвале и не открывали дверь.

Она вышла из машины, осторожно ступая на левую ногу.

Терпимо, хотя все равно больно. Амелия удержалась от искушения принять еще таблетку ибупрофена, не желая причинять лишнего вреда печени.

Внезапно она разозлилась на саму себя.

«Райму доступны лишь пять процентов его тела, но он никогда не жалуется, – подумала она. – Так что заткнись и берись за дело».

Стоя на крыльце, она нажала кнопку у двери. Внутри послышался перезвон вестминстерских колоколов, звучащий несколько иронично в столь миниатюрном доме.

Затем раздались шаги.

Амелия скорее почувствовала, чем увидела, как кто-то смотрит сквозь просвечивающую занавеску в дверном окошке.

Она небрежно показала полицейский жетон.

Щелкнул замок.

Дверь распахнулась.

Глава 17

– Здравствуйте, офицер... или детектив? Вы ведь детектив? Вы так представились, когда звонили.

– Детектив, да.

– А я Таш. Можете звать меня Таш.

Мужчина явно осторожничал, как до этого в телефонном разговоре, но, поскольку она была женщиной, к тому же достаточно привлекательной, он слегка расслабился. В его речи слышался сильный ближневосточный акцент, понять который при личном общении оказалось проще.

Улыбаясь, Таш провел ее в дом, украшенный произведениями исламского искусства. Был он худощав, смугл, с густыми черными волосами. Иранец, предположила Амелия по его семитским чертам. Одет он был в белую рубашку и брюки цвета хаки. Полностью его звали Аташ Фарада. Не без гордости он объяснил, что работает в компании «Элит лимузин» последние десять лет.

Их радостно встретила женщина примерно того же возраста – сорок с небольшим, по оценке Сакс, – и спросила, не хочет ли гостя чаю или еще чего-нибудь.

– Нет, спасибо.

– Моя жена, Файе.

Они пожали друг другу руки.

– В вашей компании сказали, что Роберт Морено обычно ездил с другим водителем, верно? – спросила Сакс у Фарады.

– Да, с Владом Николовым.

Она попросила произнести имя по буквам и записала.

– Но первого мая он был болен, и вместо него вызвали меня, – уточнил Таш. – Не могли бы вы меня просветить, к чему все это?

– Вынуждена сообщить, что мистера Морено убили.

– Нет! – Фарада помрачнел, известие явно его расстроило. – Прошу вас, расскажите, что случилось.

– Именно это мы и пытаемся выяснить.

– До чего же печальная новость. Такой был приятный джентльмен. Ограбление?

– Мне хотелось бы знать, куда вы возили мистера Морено, – чувствуя нарастающее раздражение, сказала Сакс.

– Умер! – Таш повернулся к жене. – Ты слышала – он умер? Какой ужас!

– Мистер Фарада, – настойчиво повторила Амелия, – скажите, куда вы с ним ездили.

– Куда ездили, куда ездили... – озабоченно пробормотал он, но озабоченность выглядела чересчур напускной.

Сакс нисколько не удивилась, когда он наконец сказал:

– К сожалению, я не уверен, что смогу вспомнить.

Тогда она все поняла и предложила:

– У меня есть идея. Я могу нанять вас, чтобы вы проехали тем же путем. Начиная с того места, где вы забрали Морено. Возможно, это освежит вашу память.

Он отвел взгляд.

– Гм... да, может быть. Но если вдруг будет обычный вызов из «Элит»...

– Я заплачу вдвойне, – сказала Сакс, думая, насколько этично платить потенциальному свидетелю по делу об убийстве. Однако вся эта история сверху донизу выглядела двусмысленной с моральной точки зрения.

– Думаю, получится, – сказал Фарада. – Мне так жаль, что он умер. Позвольте, я сделаю пару звонков.

Он скрылся в комнате или кабинете, доставая из кармана мобильник.

– Вы ничего не хотите? – снова спросила жена Фарады.

– Нет, спасибо. В самом деле.

– Вы очень красивая, – с восхищением и завистью проговорила женщина.

Файе тоже выглядела привлекательно, несмотря на невысокий рост и округлые формы. Сакс подумала, что люди всегда завидуют другим в том, чего недостает им самим. К примеру, первое, что она заметила в Файе, когда та подошла пожать ей руку, – это безукоризненная походка.

Вернулся Фарада в черной куртке поверх тех же брюк и рубашки.

– Я свободен. Съезжу с вами. Надеюсь, вспомню все места, где мы побывали.

Заметив многозначительный взгляд Амелии, он поспешно добавил:

– Думаю, память о них сама ко мне вернется. Она почти как живое существо.

Поцеловав жену, он сказал, что приедет до ужина, взглядом намекая Сакс, чтобы та подтвердила его слова.

– Мы на пару часов, вряд ли больше, – уточнила Амелия.

Выйдя на улицу, они сели в черный «линкольн-таун».

– Не хотите сесть сзади? – спросил Таш, сбитый с толку ее выбором места рядом с водителем.

– Нет.

Амелия Сакс не была поклонницей лимузинов. На такой машине она ездила лишь однажды – на похоронах отца. Длинные черные седаны не вызвали у нее неприятных ассоциаций. Она лишь чувствовала себя неуютно, когда ее вез кто-то другой, а на заднем сиденье это ощущение возрастало во сто крат.

Они тронулись с места. Водитель умело двигался в потоке, решительно, но вежливо. Ни разу не посигналил, хотя им встретились несколько идиотов, которых Сакс согнала бы ревом клаксона на обочину. Первую остановку они сделали у отеля «Хелмсли» на Сентрал-Парк-Саут.

– Так... я забрал его здесь около половины одиннадцатого утра.

Выйдя из машины, она прошла в вестибюль отеля. Миссия ее, однако, завершилась провалом. Служащие готовы были помочь, но не располагали никакой информацией, относившейся к расследованию. Морено несколько раз оплачивал услуги в номер – один раз за еду, – но никаких исходящих или входящих звонков. Никто не помнил, были ли у него посетители.

Амелия вернулась в лимузин.

– Куда дальше? – спросила она.

– В банк. Не помню названия, но помню где.

– Поехали.

Фарада отвез ее в отделение «Американ Индепендент Банк энд Траст» на Пятьдесят пятой улице. Время близилось к закрытию, и часть персонала уже ушла. Администратор позвала женщину из начальства. Без ордера Сакс вряд ли могла бы многое выяснить, но женщина, типичный образец вице-президента, все же рассказала ей, что Роберт Морено приходил первого мая, чтобы закрыть счета и перевести средства в банк на Карибах. В какой именно, она говорить не стала.

– А сколько? Хоть это вы сказать можете?

– Среднее шестизначное число, – последовал ответ.

Непохоже, что он отмывал крупные суммы для картелей. И все же это выглядело несколько подозрительно.

– Он оставил здесь какие-то деньги?

– Нет. И упомянул, что поступает так же со всеми своими счетами в других банках. Вернувшись к Ташу Фараде, Сакс плюхнулась на пассажирское сиденье.

– А потом что было?

– Красавица, – сказал водитель.

Амелия подумала, будто Фарада имеет в виду ее, но тут же посмеялась над собой. Он объяснил, что повез Морено в Ист-Сайд и забрал женщину, которая сопровождала его до конца дня. Морено назвал адрес – перекресток Лексингтон-авеню и Пятьдесят второй улицы – и велел водителю остановиться у входа.

Именно туда они теперь приехали. Сакс взглянула на высокое угловатое офисное здание из стекла и бетона.

– Кто была та женщина?

– Темноволосая, – ответил водитель. – Думаю, где-то пять футов восемь дюймов ростом, лет тридцати с небольшим, но выглядит моложе и, как я уже говорил, привлекательная. Даже, можно сказать, сексуальная. В короткой юбочке.

– Собственно, меня больше интересует ее фамилия и профессия.

– Я расслышал только имя. Лидия. А что касается профессии... гм... – Фарада вкрадчиво улыбнулся.

– Так что?

– Скажем так – я уверен, что до того, как он ее забрал, они были незнакомы.

– Это мне ни о чем не говорит, – хмыкнула Сакс.

– Видите ли, детектив, на нашей работе мы многому учимся. Мы познаем человеческую природу. Кое-что из того, что хотелось бы скрыть от нас клиентам, кое-что из того, чего не хотелось бы знать нам самим. Нам приходится быть невидимками. Но мы наблюдательны. Мы просто ведем машину и не задаем вопросов, кроме как «куда едем, сэр?». И тем не менее мы многое замечаем.

Эзотерика тайного ордена водителей лимузинов начинала утомлять, и Сакс раздраженно нахмурилась.

– Мне сразу стало ясно, что она... ну, вы поняли? – тихо проговорил он, будто кто-то мог их подслушать.

– Девица из эскорт-агентства?

– Весьма сексуальная, я бы сказал.

– Одно вовсе не обязательно означает другое.

– Но тут были замешаны деньги.

– Деньги?

– Многое в нашей работе состоит в том, чтобы кое-чего не замечать.

«Господи», – вздохнула Сакс.

– Что за деньги?

– Я видел, как мистер Морено дал ей конверт. Судя по тому, как они с ним обращались, я понял, что там деньги. И он сказал: «Как договаривались».

– А она?

– «Спасибо».

Амелии стало интересно, что бы подумала чопорная зампрокурора Нэнс Лорел о своем благородном потерпевшем, снимающем проститутку среди бела дня.

– Могла быть эта женщина как-то связана с тем зданием? С какой-нибудь конторой, где она работала?

– Когда мы подъехали ко входу, она ждала в вестибюле.

Амелия сомневалась, что здесь действовало под прикрытием некое эскорт-агентство. Возможно, эта самая Лидия трудилась на какой-нибудь временной работе. Сакс позвонила Лону Селитто и описала ему женщину.

– И еще сексуальная, – вмешался Таш Фарада.

Не обращая на него внимания, Сакс назвала детективу адрес.

– Я уже собрал команду из отдела Майерса, – сказал Селитто. – Пусть начнут с этого здания. Посмотрим, слышал ли кто-нибудь о Лидии.

Разъединившись, она спросила Фараду:

– Куда они отсюда поехали?

– В центр. На Уолл-стрит.

– Едем.

Лимузин влился в поток. Набирая скорость, «линкольн» лавировал в гуще автомобилей. Чувствуя себя пленницей на пассажирском сиденье, Сакс, по крайней мере, могла утешать себя тем, что водитель не тащится со скоростью черепахи. Она предпочла бы мелкую аварию неуверенной езде. С ее точки зрения, «быстрее» означало «безопаснее».

«Когда ты в движении...»

Пока они ехали через центр, она спросила:

– Вы слышали, о чем они говорили – мистер Морено и Лидия?

– Да-да. Но это было вовсе не то, о чем я подумал, не о ее работе, так сказать.

«Сексуальная...»

– Он говорил в основном о политике. В каком-то смысле читал лекцию. Лидия вежливо его слушала и задавала вопросы, но такого рода, какие задавал бы посторонний на свадьбе или похоронах. Вопросы, ответы на которые тебе не важны. Светская беседа.

– Расскажите, о чем он говорил, – настойчиво попросила Сакс.

– Ну... помню, он злился на Америку. Мне это даже показалось оскорбительным. Возможно, он считал, что может говорить при мне такие вещи из-за моего акцента и ближневосточного происхождения. Будто у нас с ним есть что-то общее. Да я рыдал, когда рухнули башни Торгового центра! В тот день я потерял клиентов, которые были и моими друзьями. Я люблю эту страну, как родную. Порой бывает, что злишься на родственников. С вами случилось?

Он обогнал автобус и два такси.

– Нет, я единственный ребенок в семье, – стараясь сохранять терпение, ответила Сакс.

– Ну вот, иногда бывает, что злишься на родственника, но потом вы миритесь, и все хорошо. Именно это делает вашу любовь настоящей, потому что кровь навеки объединяет вас, несмотря ни на что. Но мистер Морено не готов был простить страну за то, как она с ним поступила.

– Поступила с ним?

– Да. Вы знаете эту историю?

– Нет. – Сакс повернулась к водителю. – Расскажите, пожалуйста.

Глава 18

В любом деле случаются ошибки.

Нельзя позволять, чтобы они воздействовали на эмоции.

Стоит попытаться взбить сливки, не охладив миску и венчик, и в итоге получится масло.

Техническая служба откопала в базах данных имя водителя, к которому клиент постоянно обращался в прокатной компании. Вот только оказалось, что шофер был болен как раз в тот день, о котором его предполагалось расспросить. И даже несколько аккуратно срезанных кусков мяса не смогли заставить человека, лежащего на полу перед Свонном, выдать имя сменщика. Что означало – он просто не знал.

Пленка на вырезке...

Джейкобу Свонну следовало заранее подумать о таком вероятном исходе, следовало подготовиться, и мысль об этом его слегка унижала. Нельзя ничего предполагать. Первое правило любого хорошего блюда – внимание к нюансам. Сделать все необходимое заранее: нарезать, отмерить, разложить по полочкам.

Все, что только можно.

Лишь тогда собираешь все воедино, готовишь – и получаешь результат.

Он быстро прибился в доме Влада Николова, утешая себя, что не полностью зря потратил этот час, – отточить мастерство никогда не помешает. Да и водитель мог знать что-то полезное для полиции (хотя, как оказалось, он ничего не знал). Поскольку Свонну еще предстояло заняться такими людьми, как зампрокурора Нэнс Лорел и тот информатор, ему хотелось, чтобы труп Влада Николова как можно дольше никто не нашел. Он завернул сочащееся кровью тело в десяток полотенец, а затем в мешки для мусора и плотно заклеил их скотчем. Оттащив глухо ударяющийся о ступени труп в подвал, запихнул его в кладовку. Вряд ли запах станет ощутимым раньше чем через неделю.

Воспользовавшись мобильником жертвы, он позвонил в «Элит лимузин», сообщив на неуверенном английском со славянским акцентом, что он двоюродный брат Влада Николова. Водитель узнал о смерти родственника у себя на родине (Свонн не стал упоминать Москву, Киев или Тбилиси, поскольку не располагал точной информацией) и взял несколько недель отпуска. На том конце начали было возражать – лишь из-за несогласованных планов, а не из-за того, что история выглядела чересчур невероятной, – но он уже отключился.

Окинув взглядом место недавнего допроса, Свонн отметил, что оставил крайне мало следов, пользуясь мусорными ведрами и полотенцами, чтобы не дать разлиться крови. Тщательно оттерев остатки с помощью отбеливателя, он сложил полотенца и телефон в мешок для мусора, который собирался взять с собой и выбросить в контейнер по пути домой.

Уже на выходе он получил зашифрованное электронное письмо. Разведка выяснила нечто весьма интересное. Информатор по-прежнему оставался неизвестным, хотя Мецгер поручил заняться его поисками. Однако техническая служба обнаружила имена других занимавшихся расследованием людей, помимо прокурора Нэнс Лорел. Их было двое: детектив нью-йоркского полицейского управления Амелия Сакс и некий консультант с необычным именем – Линкольн Райм.

«Пора посерьезнее покопаться в базах данных», – подумал Свонн, доставая телефон.

В конце концов, сила лучшей поваренной книги в мире, «Кулинарной библии», состояла в терпеливом сборе и организации фактов – в информации, а вовсе не в эффектных рецептах.

Глава 19

– Знаете о Панаме? – спросил Таш Фарада у сидевшей рядом Сакс, которой казалось, что лавирование в потоке машин, движущихся в сторону Уолл-стрит, доставляло водителю «линкольн-тауна» немалое удовольствие.

– Канал, – ответила она. – Вроде там было какое-то вторжение... довольно давно?

Он рассмеялся и надавил на газ, обгоняя медленную вереницу на Франклин-Рузвельт-драйв.

– «Какое-то вторжение». Ну да. Я читаю много книг по истории. Обожаю ее. В восьмидесятые в Панаме сменился режим. Революция. Как в нашей стране.

– Да, Иран. Кажется, в семьдесят девятом?

Он хмуро уставился на Амелию.

– В смысле Персия, – поправилась она.

– Нет, я имел в виду тысяча семьсот семьдесят шестой год. Я американец.

Ах вот как. «В нашей стране».

– Извините.

Он снова нахмурился, но вполне добродушно.

– Так вот, Панама. В свое время Норьега был союзником Америки против коммунистической заразы. Помогал ЦРУ и Управлению по борьбе с наркотиками вести войну с засильем дури... Естественно, помогал также и главам наркокартелей вести войну с ЦРУ и УБН. В конце концов он чересчур заигрался, и в восемьдесят девятом Штаты решили, что с них хватит. И мы вторглись туда. Проблема в том, что война в Панаме была очень грязной. Вы читали Джорджа Оруэлла?

– Нет.

Может, она и читала, но никогда не прибегала к блефу и не пыталась впечатлить кого-то знаниями, которыми на самом деле не обладала.

– В «Скотном дворе» Оруэлл писал: «Все животные равны, но некоторые равнее других». Да, все войны плохи, но некоторые хуже других. Глава Панамы был насквозь коррумпирован, как и его окружение. Это были опасные люди, угнетавшие свой народ. Но и во время вторжения хватало насилия. Морено жил тогда там в столице вместе с родителями.

Сакс вспомнила, как Фред Деллрей говорил, что Роберт Морено называл себя Роберто. Возникал вопрос: он официально сменил имя или просто пользовался испанской версией в качестве псевдонима?

– В то время он был еще подростком. Тогда, в машине, он рассказывал Лидии, своей сексуальной подруге, что жизнь его была не особо радостной: отец в постоянных разъездах, а мать страдала депрессией и сыном не занималась.

Сакс тоже вспомнила работу его отца в нефтяной компании, которой тот отдавал многие часы, и самоубийство матери.

– Парнишка, похоже, подружился с жившей в Панама-Сити семьей. У Роберто установились близкие отношения с двумя братьями, – кажется, их звали Энрико и Хосе. Как он говорил – примерно его возраста.

Таш Фарада замолчал.

Сакс уже поняла, к чему он клонит.

– Братья погибли во время вторжения?

– Один из них, лучший друг Роберто. Он не знал, кто на самом деле стрелял, но обвинял во всем американцев. По его словам, правительство поменяло правила. Им на самом деле было плевать на народ или свободу. Они с радостью были готовы поддерживать Норьегу и терпеть наркоторговлю, пока тот не стал выходить из-под контроля, угрожая закрыть канал и не про-

пускать нефтяные танкеры. И тогда они вторглись в Панаму. – Он перешел на шепот. – Мистер Морено обнаружил тело друга. Как он говорил Лидии, ему до сих пор продолжали сниться кошмары.

Хотя все указывало на то, что Морено далеко не святой, вопреки представлениям о нем Нэнс Лорел, Сакс тронула его печальная история. Интересно, тронула ли бы она точно так же Лорел? Сомнительно.

– Когда он рассказывал об этом Лидии, у него срывался голос, – добавил водитель. – Но потом он вдруг рассмеялся и обвел вокруг рукой. Сказал, что прощается с Америкой, чему только рад, и что это последняя его поездка сюда. Он знал, что не сможет вернуться.

– Не сможет?

– Именно так. Не сможет. Сказал, что страдать по ней точно не станет, – мрачно добавил Таш Фарада. – Я тогда подумал, что и Америка не станет по нему страдать. Я люблю эту страну. – Он помолчал. – Как вы понимаете, я вовсе не радуюсь его смерти. Но он говорил много плохого о моей родине, которую я считаю лучшим государством на земле во веки веков.

Когда они подъезжали к Уолл-стрит, Сакс кивнула в сторону мемориала жертвам теракта одиннадцатого сентября:

– Он не хотел там побывать?

– Нет, – ответил водитель, – но мог бы. Я подумал, он начнет злорадствовать после всего того, что наговорил. В таком случае я попросил бы его выйти из машины. Но он просто сидел и молчал.

– Куда вы его здесь привезли?

– Просто высадил его в этом месте. – Таш остановился на Фултон-стрит, возле Бродвея. – Что показалось мне странным. Просто на этом углу. Они оба вышли, и он сказал, что их не будет несколько часов. Если я не могу ждать, мне позвонят. Я дал ему визитку.

– Что именно показалось вам странным?

– В этой части города мы, водители лимузинов, можем проехать почти везде, если нет никаких строительных работ. Но ему будто не хотелось, чтобы я увидел, куда они идут. Я предположил, что в какой-нибудь отель, «Миллениум» или другой. По крайней мере, они направились в ту сторону.

«Ради интимного свидания со своей сексуальной подружкой? – подумала Сакс. – Но почему бы тогда не остаться в отеле в Верхнем Манхэттене?»

– Он вам позвонил? – спросила она, надеясь выведать номер Морено.

– Нет, – ответил Таш. – Я просто ждал их тут. И они вернулись.

Выбравшись из «линкольна», Амелия прошла в указанном водителем направлении. Она расспросила служащих в трех отелях в пределах пешей прогулки, но не обнаружила сведений о госте по фамилии Морено за первое мая. По фотографии его тоже никто не опознал. Конечно, номер мог быть зарегистрирован на Лидию, только этот след все равно бы никуда не привел в отсутствие какой-либо информации о ней самой.

«Может, активист заплатил ей за секс с кем-то другим? – подумала Сакс. – Может, они встретились с кем-то в отеле или в какой-нибудь из окрестных контор с целью подкупа или шантажа?»

Выйдя на людную улицу, она взглянула на сотни зданий вокруг – конторы, магазины, апартаменты. Команда следователей из нью-йоркской полиции могла бы потратить месяц, спрашивая людей о Роберте Морено и его спутнице, но ничего бы не добились.

«Возможно, – подумала Амелия, – Лидия получила наличные по какой-то иной причине. Не была ли она частью некоей ячейки, террористической организации, на которую работал Морено? Может, они встречались с какой-то группировкой, желавшей послать очередной кровавый сигнал в финансовом центре города?»

Хотя эта гипотеза и казалась Сакс вполне разумной, вряд ли Нэнс Лорел желала бы ее услышать.

«То есть нельзя оставаться беспристрастной...»

Повернувшись, Сакс направилась обратно к лимузину. Упав на переднее сиденье, она потянулась, поморщившись от боли в суставах, и вонзила ноготь в подушечку пальца.

«Хватит», – сказала она себе и вытерла выступившую кровь о черные джинсы.

– Куда потом?

– Я повез их обратно в отель, – ответил Фарада. – Женщина вышла вместе с ним, но они разошлись в разные стороны. Он вошел внутрь, а она направилась на восток.

– Они обнялись?

– Не совсем. Просто потерлись щеками, и все. Он заплатил мне хорошие чаевые, хотя они уже включены в счет.

– Ладно, поехали назад в Куинс.

Водитель включил передачу и двинулся на восток в плотном вечернем потоке машин. Было около семи вечера.

– У вас не возникло ощущения, что за ним следят? – спросила Амелия у Фарады. – Он не беспокоился, не вел себя так, будто что-то подозревал или чего-то опасался?

– Гм... могу сказать, что он вел себя осторожно, часто оглядывался по сторонам. Но каких-то конкретных опасений не проявлял. Не говорил ничего вроде: «Та красная машина меня преследует». Просто старался не упускать ничего из виду. По крайней мере, так я понял. Обычное дело для бизнесменов. Думаю, в наше время иначе они просто не могут.

Сакс находилась в расстроенных чувствах. Она не узнала ничего существенного о пребывании Морено в Нью-Йорке, к тому же вопросов теперь стало больше, чем ответов. И тем не менее она не могла избавиться от ощущения, что нужно спешить. Мысли ее занимал ордер на спецзадание, в котором очередной жертвой числился Рашид.

«Нам известно, что НРОС намерена убрать его до пятницы. И кто тогда станет сопутствующими потерями? Его жена и дети? Какой-нибудь прохожий?..»

Они ехали через Вильямсбургский мост, когда зазвонил ее телефон.

– Привет, Фред.

– Привет, Амелия. Слушай, я тут выяснил пару вещей. Велел нашим людям просмотреть данные электронной разведки по Венесуэле, и они выдернули запись голоса Морено примерно месячной давности. Может оказаться важным. Он говорил: «Да, двадцать четвертого мая, верно... ухожу в заоблачную высь. Буду жить как в раю».

До двадцать четвертого оставалось меньше двух недель. Означало ли это, что он планировал некий теракт, а потом собирался исчезнуть, подобно бен Ладену?

– Есть мысли на этот счет? – спросила Сакс.

– Нет, но мы все еще проверяем.

Она передала агенту слова Фарады о том, что для Морено эта поездка в Нью-Йорк была последней, и о его загадочной встрече в окрестностях мемориала жертвам теракта одиннадцатого сентября.

– Да, все сходится, – сказал Деллрей. – У него вполне могла быть какая-нибудь гадость на уме, и он собирался залечь на дно. Вполне разумно – особенно после того, как ты услышишь от меня кое-что еще.

– Выкладывай. – Сакс положила на колени блокнот, занеся над ним ручку.

– Еще одна перехваченная запись голоса, – сообщил агент. – За десять дней до его смерти. Морено говорил: «Насчет того хлоп-сюрприза – есть на примете кто-нибудь, кто мог бы помочь его подготовить?»

У Сакс внутри все сжалось.

– Наши компьютерные умы полагают, что он упоминал дату тринадцатого мая, а также Мексику, – пояснил Деллрей.

Два дня назад. Она не помнила ни о каких инцидентах, но Мексика была по большей части зоной боевых действий, где происходило столько связанных с наркотиками терактов и убийств, что их часто не удостаивали упоминанием в американских теленовостях.

– Я пока выясняю, не случилось ли там чего. И наконец, я говорил о паре вещей, но имел в виду три. Мы получили сведения о поездках Морено. Готова?

– Давай.

– Второго мая Морено вылетел из Нью-Йорка в Мехико, возможно, чтобы спланировать теракт. Затем, на следующий день – в Никарагуа. Еще через день – в Сан-Хосе, Коста-Рика. Он пробыл там несколько дней, а седьмого числа полетел на Багамы, где пару дней спустя испытал на себе последствия меткой стрельбы мистера Дона Брунса. И еще – за ним вели выборочное наблюдение в Мехико и Коста-Рике, где его видели рядом с посольствами США. Но никаких свидетельств, что он представляет какую-либо угрозу, не было, так что задерживать не пытались.

– Спасибо, Фред. Ты очень помог.

– Постараюсь продолжать в том же духе. Но, Амелия, должен тебе сказать, что кучей времени отнюдь не располагаю.

– Что, намечается нечто крупное?

– Да. Меняю имя и перебираюсь в Канаду. Вступаю в конную полицию.

Щелк!

Амелия даже не рассмеялась. Его замечание пришлось в самую точку – вся эта история напоминала нестабильную взрывчатку.

Полчаса спустя Таш Фарада припарковался на своей подъездной дорожке, и они вышли из машины. Поза водителя не вызвала никаких сомнений.

– Сколько я вам должна? – спросила Сакс.

– Ну... обычно мы берем от гаража до гаража, что было бы по отношению к вам несправедливо, поскольку машина уже была здесь. Так что будем считать от времени нашего выезда до времени возвращения. – Он взглянул на часы. – Мы выехали в четыре двенадцать, а вернулись в семь тридцать восемь.

Точность явно не была ему чужда.

– Для вас округлю в меньшую сторону. С четырех пятнадцати до семи тридцати. Получается три часа пятнадцать минут.

И способность быстро считать – тоже.

– Какова ставка за час?

– Девяносто долларов.

– За час? – удивилась она, прежде чем вспомнила, что задала вполне конкретный вопрос. Водитель улыбнулся:

– Итого триста восемьдесят два доллара пятьдесят центов.

«Вот дьявол!» – подумала Сакс.

Она полагала, что сумма окажется примерно вчетверо меньше. Что ж, еще один повод не становиться поклонницей лимузинов.

– И естественно... – добавил он.

– Я согласилась заплатить вдвойне.

– Итого – семьсот шестьдесят пять долларов.

Амелия вздохнула.

– Не могли бы вы еще раз меня подвезти? – спросила она.

– Только если это не займет много времени, – сказал Таш и кивнул в сторону дома. – Ужин, знаете ли.

- До ближайшего банкомата.
- Ах да, да... И за эту поездку я с вас вообще ничего не возьму!

Глава 20

Показалось ей или нет?

Нет.

Возвращаясь на Манхэттен в своем «торино-кобра», Сакс не сомневалась, что ее преследуют.

Судя по тому, что она видела в зеркале заднего вида, выезжая из туннеля Куинс—Мидтаун, за ней следовала машина неопределенной модели. Неприметная, серо-бело-серебристая. И здесь, и на улицах, ведущих от дома Фарады.

Но как такое могло быть? Надсмотрщица заверяла их, что НРОС, Мецгер и снайпер ничего не знают о расследовании.

А даже если бы им стало что-то известно, как они могли опознать ее личный автомобиль и найти его?

И тем не менее после дела, которым они с Раймом занимались несколько лет назад, Сакс поняла, что любой специалист, располагающий даже самой примитивной системой поиска в базах данных, может достаточно легко отследить чье-то местонахождение. Видеоизображения номеров, распознавание лиц, телефонные звонки и кредитные карты, спутниковое слежение, транспондеры на платных дорогах, радиочастотные чипы. А в распоряжении НРОС наверняка имелись не просто базовые средства. Да, она соблюдала осторожность, но, возможно, в недостаточной степени.

Это легко было исправить.

Улыбнувшись, Сакс совершила ряд замысловатых, быстрых и крайне странных поворотов, большая часть которых сопровождалась дымом из-под шин и разгоном до шестидесяти миль в час на второй передаче.

Закончив последний маневр и выровняв свою изумительную «кобру», Амелия послала на обгоне извиняющуюся улыбку водителю-сикху. Она не сомневалась, что оторвалась от любого хвоста, который мог ехать следом.

По крайней мере, пока спецпоиски по базам данных не отыщут ее снова.

И даже если в самом деле была слежка, представлял ли этот хвост реальную опасность?

НРОС могла искать о ней информацию и, возможно, пытаться сорвать или замедлить расследование, но вряд ли правительственная организация могла причинить физический вред офицеру нью-йоркской полиции.

Если только угроза исходила не от самого правительства, но от некоего охваченного яростью сумасшедшего, который работал на правительство, используя свою должность, чтобы осуществить бредовую мечту ликвидировать тех, кто, с его точки зрения, был недостаточно патриотичен.

С другой стороны, угроза могла не иметь никакого отношения к Морено. Амелия Сакс помогла посадить за решетку немало людей, и вряд ли кому-то из них это особо нравилось.

Она почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Припарковавшись на поперечной улице неподалеку от Сентрал-Парк-Уэст, Сакс бросила на приборную панель табличку Управления полиции Нью-Йорка. Выбравшись из машины, она дотронулась до рукоятки «глока», чтобы точно запомнить положение оружия. Казалось, в каждом окрестном автомобиле, сером и неприметном, сидел водитель-призрак, глядя ей вслед. Каждая антенна, водонапорная башня и труба на крыше любого здания на этом участке Верхнего Вест-Сайда походила на снайпера, наведшего перекрестие оптического прицела ей в спину.

Быстро подойдя к дому, Сакс скрылась внутри. Миновав гостиную, где Нэнс Лорел продолжала печатать точно так же, как и несколько часов назад, она прошла в реабилитационную комнату Райма – одну из спален на втором этаже, – где он тренировался.

Райм сидел под присмотром страховавшего его Тома, пристегнутый к замысловатому велотренажеру, игравшему роль электростимулятора. Устройство посылало электрические импульсы в мышцы, имитируя мозговые сигналы и заставляя ноги крутить педали, что Райм и проделывал с энтузиазмом участника гонки «Тур де Франс».

Улыбнувшись, Амелия поцеловала его.

– Я потный, – заявил он.

И был прав.

Она снова его поцеловала, на этот раз крепче.

Хотя тренировки на электростимуляторе не могли излечить паралич, они поддерживали мышцы и сосудистую систему в форме, а также улучшали состояние кожи, что помогало избежать язв, распространенных среди людей с серьезной инвалидностью. Как часто говорил Райм, иногда лишь затем, чтобы шокировать слушателей, «калеки кучу времени проводят на собственной заднице».

Тренировки также улучшали работу нервной системы. Особенно аэробные. Силовая часть занятий включала в себя развитие мышц шеи и плеч – именно им в основном предстояло управлять движениями левой руки Райма так же, как они сейчас управляли правой. После операции через несколько недель, если все пойдет хорошо.

Сакс предпочла бы не добавлять последней оговорки.

– Выяснила что-нибудь? – спросил он, тяжело дыша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.